

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

СЕРГЕЙ АНТОНОВ
НЕПОГРЕБЕННЫЕ

FUTURE CORP.

Метро

Сергей Антонов
Непогребенные

«АСТ»

2012

Антонов С. В.

Непогребенные / С. В. Антонов — «АСТ», 2012 — (Метро)

ISBN 978-5-271-40902-8

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! И вновь Анатолий Томский, экс-анархист, экс-гражданин Полиса, а ныне – один из руководителей Станции имени Че Гевары и в скором будущем – счастливый отец, не может жить спокойно. И вновь – не по своей воле. Ну, или – не совсем по своей. Хотя кому, как не ему, едва не превратившемуся в зловещего гэмэчела, полагается знать: самый страшный враг человека почти всегда таится в нем самом, а самые темные туннели пролегают в нашем сознании...

ISBN 978-5-271-40902-8

© Антонов С. В., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Замыкая круг	5
Пролог	6
Часть 1	10
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Антонов Непогребенные

Замыкая круг

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

«Вселенную Метро 2033» создают самые разные авторы – профессионалы и новички, русские и иностранцы, любители экшна и мастера триллера. С самого начала, с тех самых пор, когда мы только придумывали этот проект, было принято решение: романы нашей серии не должны быть шаблонными. Каждый автор должен иметь свободу и право творить.

Сергей Антонов присоединился к нам одним из первых. Его «Темные туннели» стали для многих читателей возвращением в то самое метро, в котором они побывали, прочтя мою первую книгу, и по которому скучали. Успех «Туннелей» был таким, что от Сергея немедленно стали требовать продолжения. Второй роман о приключениях боевика-анархиста Анатолия Томского, идеалиста и романтика, не разочаровал читателей. Герой оказался живым человеком – он вырос, мужал, ожесточался и становился мудрее. Стараясь изменить мир к лучшему, он утрачивал свою невинность и наивность. С ним не хотелось расставаться, он становился надежным товарищем каждого, кто раскрывал книгу на первой странице. Когда же читатель переворачивал последнюю, у него оставался только один вопрос: «А еще?»

И вот перед вами – третий роман об Анатолии Томском. Главным противником героя теперь является не мифический злодей, а, как это часто бывает в настоящей жизни, он сам. Поэтому книгу читать и интереснее, и страшнее, чем предыдущие.

«Непогребенные» – последняя часть трилогии Сергея Антонова. Замыкающее звено первой трилогии «Вселенной Метро 2033». Антонов – один из тех авторов, которые, придя во «Вселенную», поселились в ней надолго. Есть и другие: автор знаменитого уже романа «К свету» и его продолжения «Во мрак» Андрей Дьяков работает сейчас над третьим томом своего собственного цикла, получившим название «За горизонт», а Андрей Буторин – над окончанием истории рыжего саама Нанаса.

А серия продолжается! «Непогребенные» – первая в 2012 году и двадцать вторая по счету книга «Вселенной» – открывает наш новый сезон. В этом году, начиная с этого момента и до 21 декабря, мы будем выпускать по роману в месяц, с регулярностью журнала «Мурзилка».

Нам нельзя останавливаться – задача построить новый мир на руинах прежнего, поставленная в предисловии к самой первой книге серии два года назад, еще не выполнена. И, отойдя от новогодних праздников, мы снова бросаемся в бой, все вместе – и профессионал, и самоучка, и русский, и итальянец, и фантаст, и поэт. И вы, и я.

Дмитрий Глуховский

Пролог

«...Таким образом, все наталкивало на единственно возможный вывод: я постепенно утрачивал связь с моим первым и лучшим «я» и мало-помалу начинал полностью сливаться со второй и худшей частью моего существования.

Я понял, что должен выбрать между ними раз и навсегда...»

Р.Л. Стивенсон. «Странная история доктора Джекила и Мистера Хайда».

«...Да, товарищи, генетически модифицированный человек – это звучит гордо!»

Профессор М.А. Корбут.

Москва. Июль 1953 год

Капитан сидел на своем привычном месте – за столом в будке охраны. Все как всегда. Газета, стакан чая. Чуть в стороне – журнал в потрепанной, покрытой чернильными пятнами обложке. Настольная лампа без абажура, открытая пачка «Герцеговины Флор», черный телефон, снятая трубка которого повисла на проводе сбоку стола. Ярко-синяя фуражка с малиновым околышем. Капитан всегда клал ее так во время своих дежурств. Почему-то доньшком вниз.

Расположение вещей было прежним. Вот только свет лампочки подрагивал в унисон кряхтению задыхающегося генератора. Временами почти потухал, и тогда нить накаливания делалась красной.

Казалось, еще немного – и будка навсегда погрузится во тьму. Но генератор собирался с силами, посылал лампе новую порцию энергии, и свет загорался вновь. Поблескивал ажурный подстаканник, переливалась звездочка на фуражке. В такие моменты чудилось, что лицо капитана меняется: глаза вспыхивают интересом к окружающему, а губы шевелятся, готовясь отдать приказ.

Обман зрения, вызванный игрой света и тени. Никогда он не заговорит, никогда не вытаскивает папиросу из пачки, не фукнет, продувая ее. На лице цвета воска не заиграет румянец, а из ноздрей заострившегося носа не выплывут струйки дыма.

Покойники не курят.

Сухонький старичок с седым венчиком волос на голове, узким интеллигентным лицом, украшенным бородкой клинышком, с усталыми глазами и горькими складками по уголкам рта, кашлянул. Осторожно, в кулак. Будто боялся побеспокоить мертвого эмгэбэшника.

Мысль о том, что надо вставать, куда-то идти и что-то делать, заставила академика поморщиться. Он так удобно устроился на зачехленном брезентом каркасе одной из установок! Можно сказать, свил себе уютное гнездышко. Аркадий Семенович как-то не подумал, что капитан, откинувшийся на спинку стула, всегда будет перед глазами. Черт бы его побрал! При жизни от покойного не было покоя... – каламбурчик... – но кто же знал, что эмгэбэшник не перестанет вредничать и после того, как умрет? Ничего не попишешь – придется хоронить. В конце концов, капитан ничем не хуже тех, кого он охранял. Его тоже вычеркнули из списков и оставили умирать в железобетонном мешке под названием Академлаг. Значит – наш. Значит, достоин покоиться в стальном контейнере, рядом со светильниками науки.

Аркадий Семенович встал и, шаркая, направился к тачке. Ладно, от него не убудет. Делов-то на копейку – уложить тело на тачку, отвезти в склад да запихнуть в контейнер.

Сдвинувшись с места, тачка издала противный скрип. Старик дернулся. Слишком резкий звук. Кошунственно резкий для тихого царства мертвых. Аркадий Семенович вкатил тачку

прямо в будку. С минуту постоял. Наверное, для того, чтобы подчеркнуть торжественность момента. Потом осторожно потянул капитана за плечо. Тот словно только этого и ждал – мягко завалился набок, сполз со стула и упал прямехонько на тачку. Аркадию Семеновичу осталось лишь поправить раздвинутые ноги в синих галифе. Поразмыслив, он положил фуражку капитану на грудь.

Вновь скрип несмазанных колес. То ли груженная тачка была слишком тяжелой, то ли Аркадий Семенович был слишком стар, но он устал уже на первом десятке метров. Хвала Создателю, здесь было где присесть. Заключенные Академлага потрудились на славу: в длинном зале стояло множество установок, машин и аппаратов. И компактных, и огромных, упирающихся верхушками в сводчатый железобетонный потолок. Одни были готовы полностью и даже испытаны, другие собраны лишь частично. Были здесь стволы пушек, установленные на специальных платформах-лафетах, машины, отдаленно напоминавшие танки, диковинного вида криогенные установки. В общем, круг интересов ученых-узников был весьма широк.

Они рассчитывали и проектировали. Проектировали и рассчитывали. Цвет московской интеллигенции. Английские, немецкие и японские шпионы. Разлученные с семьями, лишенные всех прав и свобод, они оставались дисциплинированными и сдерживали ропот.

Работа не прекращалась даже после того, как стало ясно – наверху что-то произошло. Уже тогда Аркадий Семенович понял – амнистии не будет. Проекты свернут, Академлаг законсервируют, а его обитателей... Каким способом их уберут? Ответ дал капитан охраны. Аркадий Семенович увидел, как тот прячет в ящике письменного стола противогаз, и понял – траванут. Скорее всего, самым популярным на тот момент газом – «циклоном Б».

Инстинкт самосохранения толкнул Аркадия Семеновича на подлость: академик украл противогаз эмгэбэшника и ничего не сказал о надвигающейся опасности другим узникам. Какой смысл? В Академлаге было сорок человек и всего один противогаз.

Смерть пришла в подземный городок ученых в первых числах июня. Насыщенный синильной кислотой газ с шипением ворвался в Академлаг через специальный, заранее предусмотренный клапан в гермоворотах. Выжил только Аркадий Семенович. Вот только зачем? Покинуть Академлаг он все равно не мог.

Впрочем, занятие нашлось. Целый месяц старый академик перевозил трупы товарищей на склад. Там было множество стальных контейнеров: вполне герметичных, подходящих по размеру. Из них получились отличные гробы. Справедливости ради стоит отметить, что последний обитатель Академлага желал не только достойно похоронить своих братьев. Он еще и не хотел дышать запахом разложения.

Сделав еще пару остановок, Аркадий Семенович добрался до склада. Стальная дверь, ходившая на колесиках по направляющим, поддавалась только с третьей попытки. Зловещий сигнал. Раньше ученый открывал ее одним движением руки. Стало быть, долго он не протянет. Впрочем, и дел осталось немного.

При свете единственной, пока не перегоревшей лампочки Аркадий Семенович осмотрел ряды «гробов», между которыми громоздились кучи всевозможного научного утиля.

Старик подкатил тачку к ближайшему контейнеру. Кряхтя от натуги, перевернул его. На пол посыпались картонные коробки. Буквенно-числовые обозначения на квадратных бирках были понятны только посвященным. Когда-то в них разбирался и Аркадий Семенович. Теперь все забыл.

Небольшая передышка, которую планировал старик, затянулась. Он присел на край тачки и... уснул.

Разбудило его мигание лампочки. Паузы между вспышками света становились все длиннее. Генератор скоро сдохнет. Надо спешить.

Аркадий Семенович оторвал свою голову от живота мертвеца, на котором так уютно пристроился. На то, чтобы уложить капитана в контейнер, ушло не меньше пятнадцати минут. Старик провел ладонью по лицу эмгэбэшника, закрывая ему глаза.

– Покойся с миром, капитан...

Захлопнув крышку, Аркадий Семенович старательно закрыл пружинные замки. Вроде бы все. Стоп. Цветок. Не раскисать. Похороны должны быть похоронами, а традиция – традицией.

Цветки он делал из плакатов. Чего-чего, а наглядной агитации здесь всегда хватало. Вот и сейчас старик легко нашел на полу обрывок грязного листа с нижней частью лица Лаврентия Палыча, окаймленной кумачом. Аркадий Семенович оторвал от плаката узкую ленту, на которой было побольше красного. Соорудил подобие бутона и скрепил найденным в кармане куском медной проволоки. Получилась довольно приличная гвоздика. Добавив к бутону бумажный стебель, Аркадий Семенович полюбовался работой и положил на контейнер. Теперь точно все.

Возвращаться или остаться здесь? Принципиального значения это не имело. Академик решил остаться. Свет мог погаснуть в любой момент, а тыкаться в темноте по залу не хотелось. В конце концов, какая разница? Из картонных коробок можно соорудить кровать и полежать в ожидании смерти.

Аркадий Семенович наклонился. Приподнял один ящик и тут же уронил. Ящик открылся. Старик увидел половину прямоугольного конверта. Вот так номер! Пластинка. Старая добрая граммофонная пластинка. Семьдесят восемь оборотов. Неужели... Аркадий Семенович сел. Затаив дыхание, потянулся к ящику. Раз есть пластинка, должен быть патефон. Это – аксиома. Бог – большой шутник, но он не станет издеваться над несчастным стариком так жестоко.

Патефон в ящике был. Плоский чемоданчик с пластмассовой ручкой. Вот так подарок! Академик развернул сверток промасленной бумаги. Заводная рукоятка. Вставить, завести. Опустить звукосниматель на пластинку. Он так давно не слышал музыку. Целую вечность...

И тут свет погас окончательно. Склад погрузился во тьму. Ах, чтоб тебя! Неужели придется тащиться к генератору? Где-то с полведра солярки еще оставалось. Только вряд ли он до него доберется. Ничего, мы еще побарахтаемся! Где наша ни пропадала. И Аркадий Семенович решил действовать на ощупь.

Один раз он был на грани отчаяния – уронил рукоятку и думал, что никогда ее найдет. Обошлось. Пластинка была установлена, пружинный двигатель заведен. Старик опустил звукосниматель. Раздалось характерное шипение и потрескивание. Вот будет смеху, если вместо музыки он услышит речь Сталина! Ну же! Давай, родимый!

Патефон внял мольбам Аркадия Семеновича. Над кладбищем Академлага полились звуки танго. Закончилось вступление и мужской баритон запел о неразделенной любви.

Я бы так хотел любить,
Я бы так хотел страдать,
Все муки пережить,
Мечтать, молить, рыдать.
Старинной песни звуки
Мне в душу проникают,
Я поверить им хочу,
Они твердят «люблю»...¹

¹ Фрагмент песни «Я бы так хотел любить» (стихи Н. Михайловой).

Как звали певца? Ах, да. Петр Лещенко. Аркадий Семенович почувствовал на щеках что-то горячее и влажное. Слезы. А он думал, что разучился плакать.

Музыка продолжала звучать. Последний узник Академлага устроился прямо на полу, подложив под голову картонный ящик из-под патефона. Теперь у него было все, чтобы умереть счастливым...

Часть 1

Без права на помилование

Глава 1

Темная половина

Гайка выскользнула из пальцев и, подпрыгивая, покатила по плитам пола. Томский бросился ее ловить. Настигнуть непокорную железку на первых метрах не удалось, пришлось бежать через всю платформу. Погоня закончилась лишь после того, как гайка описала круг почета у шеста со знаменем Че Гевары. Только здесь Анатолий наступил на нее ногой и наклонился, чтобы поднять.

«Вот безрукий! Аршинову надо было взять в помощники кого-нибудь другого. На станции полно парней, которые не путают гаечные ключи и знают, в какую сторону их следует вертеть. А у тебя, Томский, руки под известное место заточены и вообще, неясно откуда растут».

Анатолий поднял злополучную гайку и хотел уже вернуться к разобранному генератору, над которым колдовал прапор, но тут его внимание привлек часовой на посту у южных ворот. Он оперся рукой на «дегтярь» и, улыбаясь, что-то говорил Лумумбе.

На первый взгляд ничего необычного в парне не было. Высокий. Худой, как все бывшие узники Бериллага. Лет восемнадцати на вид. Над верхней губой и на подбородке только-только начинает пробиваться пушок. В больших глазах – наивность, искренний интерес ко всему окружающему. Жизнь для него только начинается. Толик покачал головой. Интуиция подсказывала ему, что парень болен. Неизлечимо. Откуда взялась эта уверенность? Томский еще раз всмотрелся в лицо часового и наконец понял, что именно его беспокоило. Покраснения по углам рта. Скопление маленьких язвочек.

«Оставь парня в покое. Не успел стать начальником, как начинаешь закручивать гайки? Ищешь точку приложения своим способностям руководителя? Займись-ка лучше полезным делом. Крути гайки в прямом смысле, и будет тебе счастье... Секундочку! Я отвечаю за порядок на станции, а значит, за здоровье всех ее жителей. Что если болезнь часового заразна? Нет, этого так оставлять нельзя. Надо... Паранойя, Томский. Она тоже заразна. Успокойся. Для начала перестань сверлить парня взглядом. Потом отвернись и двигай себе ножками».

Толик так и поступил бы, но в этот момент часовой улыбнулся какой-то особенно удачной шутке Лумумбы. Можно сказать, расплылся в улыбке. Ох, не следовало ему этого делать! Кожа натянулась, язвочки лопнули, выпуская наружу бесцветную слизь. Она немедленно разъела здоровую кожу. Проступили новые язвочки, уже на щеках. А часовой продолжал улыбаться, не замечая, что лицо его превращается в красную маску.

Это – болезнь, и болезнь заразная. Почему Лумумба ничего не видит и продолжает болтать с часовым как ни в чем не бывало? Ответ был получен очень быстро. Лумумба повернулся в профиль. На его темной коже зловещие язвочки были не так заметны, но все же они были! Болезнь стремительно распространялась!

«Вот так. Никакая это не паранойя, а интуиция человека, хорошо знающего все прелести жизни в закрытом пространстве. Сколько станций, где тревогу не забили вовремя, превратилось в могильники? То-то и оно. Не попадай в список растяп. Не для того ты отвоевывал Подбелку у красных, чтобы сдать ее чуме».

Не паниковать. Незаметно посоветоваться с Аршиновым. Изолировать часового и Лумумбу. Задушить заразу в зародыше».

Томский взглянул на часового. Болезнь прогрессировала. Рой язв вполз на лоб. Здесь они отчего-то не могли лопнуть. Лоб часового раздулся, нависнув над глазами уродливым козырьком. Томский понимал, что действовать надо без промедления, но не мог сдвинуться с места.

А опухоль все увеличивалась. Парень окончательно перестал походить на человека.

Все, что произошло дальше, было и неожиданным, и предсказуемым. Кожа натянулась до предела и все-таки лопнула. Слизь окатила Лумумбу с ног до головы, а он все продолжал улыбаться.

Изолировать больных поздно. Карантин уже не поможет, как и советы Аршинова. Остается только одно.

Толик повернулся. Не спеша, чтобы ничем не выдать своего волнения, двинулся к генератору. Добраться до автомата и... Тяжелое, но единственное решение проблемы. Больным уже ничем не поможешь. Их придется убить. Во имя жизни других.

Томский увидел спину Аршинова, склонившегося над генератором. Пусть себе работает. Потом он все объяснит прапору, и тот его поддержит. Толик протянул руку к «калашу», но взять его не успел. Аршинов что-то учуял, успел ухватиться за приклад. Быстрый, сука. Не по возрасту ретивый.

– Ты чего, Толян? – прапор потянул автомат к себе. – Что случилось?

– А ты чего?

Томский не смотрел в лицо Аршинову, зато отлично видел его руку. Испачканную в машинном масле и... тоже покрытую щедрой россыпью знакомых язвочек. Готово дело. Теперь придется прикончить и Аршинова. Судя по скорости распространения заразы – не только его.

– Отдай мой автомат!

– Еще чего! И не подумаю!

– Так надо, Лёха. Ты все поймешь. Потом...

Прапор не пошел на предложенный компромисс. Томский понял, что сейчас произойдет, но защититься не успел. Аршинов врезал ему кулаком в челюсть и окончательно завладел автоматом.

– Если крыша поехала – так и скажи. Неча за оружие хвататься.

Анатолий понял, что сидит на полу. Тряхнул головой. Осмотрелся. В первую очередь взглянул на часового, из-за которого заварилась вся каша. Парень продолжал болтать с Лумумбой и, что самое главное, выглядел абсолютно здоровым. Никаких язв. Что же произошло?

«А произошло, Толян, следующее. У тебя была галлюцинация, и ты едва не устроил пальбу. Хотел пристрелить даже Аршинова. Во имя жизни. Лихо!»

Толя увидел перед собой протянутую ладонь прапора, вцепился в нее и встал на ноги.

– Фу-у! Душно-то как!

В подтверждение своих слов Томский рванул ворот сорочки. Не стоит Лёхе знать о галлюцинации. Пусть думает, что имел дело с небольшим приступом, случившимся из-за духоты. Только вот жест получился слишком импульсивным – сорочка с треском порвалась, на пол посыпались пуговицы.

– Душно, говоришь? – Аршинов смерил друга подозрительным взглядом. – Может и душно. А «калаш» тебе на кой сдался? Ко лбу, что ли, хотел приложить? Не, Толян, так дело не пойдет. Видел бы ты сейчас свою физию! В гроб красивше кладут. Признавайся, паря, сколько ночей не спал?

– Ну, две...

– Тогда вали к себе и постарайся вырубиться хоть на пару часов. Договорились?

– Договорились...

Томский кивнул, повернулся и медленно побрел к ступеням, ведущим в вестибюль. Зря он ляпнул насчет духоты – на станции скорее холодно.

– Эй, Толик!

– Че, Лёш?

– Гайку-то отдай.

Анатолий понял, что до сих пор сжимал в кулаке гайку. Так сильно, что на коже ладони остались красные вмятины. Он швырнул гайку Аршинову. Улыбнулся прапору, увидев, как ловко тот ее поймал.

«Иудина твоя улыбка, товарищ Томский. Минуту назад ты хотел списать Аршинова в расход. Хвала Господу, что все так закончилось. А ведь доберись ты до “калаша”, никаких гаек Лёшке больше не понадобилось бы...»

Толя постарался отогнать мрачные мысли и придать лицу выражение деловой озабоченности. Ведь на него смотрели люди. С уважением и благодарностью смотрели. Дорогу уступали. Ах, если бы знали они, что творится в голове великого Томского!

* * *

А творилось что-то невообразимое: Толя начинал бояться сам себя. Сегодняшний случай был не единственный – всего несколько дней назад он сорвался и наорал на Русакова. В итоге ссора едва не переросла в драку, а ведь причиной был сущий пустяк – Томский не желал оставлять на платформе последнюю железную клетку. Он не верил, что на станции имени Че Гевары найдется тот, кого в нее потребуется сажать. А более старший и умудренный жизненным опытом комиссар считал – надо быть готовым ко всему.

Томский поднялся в вестибюль. Дверь в бывший кабинет Корбута была приоткрыта. За столом, склонившись над какой-то бумагой, сидел Русаков. Толик испытал сильное желание войти и сказать комиссару что-нибудь доброе. Ссора – ерунда. Друзьями их сделали общие испытания и общая идея, которая доказала свою жизнеспособность. Пусть мир хоть сто раз перевернется вверх тормашками, но пока будут живы люди, вечный конфликт между добром и злом останется актуальным. Он и Русаков выбрали сторону света, и ничто не сможет их разделить.

Толик улыбнулся высокопарности своих мыслей. Конечно, он помирится с комиссаром. Рано или поздно. Но... не стоит торопить события. Все произойдет само собой.

Томский прошел мимо кабинета и открыл дверь в небольшую комнатку. Во времена Бериллага она служила кладовой. Здесь хранился инвентарь, которым пользовались узники. Теперь лопаты, кирки и прочий инструмент был задействован на платформе, а освобожденное помещение выделили под жилье Толе и Елене.

Жены дома не было. Елена отвечала за распределение продуктов, поэтому проводила весь день на своем складе и возвращалась поздно. Впрочем, сейчас Томскому это было на руку. Он хотел в одиночестве поразмыслить над своей проблемой.

Не зажигая света, Толик остановился у рукомоЙника. Плеснул в лицо воды раз, другой. Теперь гораздо лучше. Можно завалиться на кровать. Прямо так, не снимая сапог. Конечно, если Елена узнает – прикончит за святотатство. Ну да ничего. Постараемся сохранить маленькое свинство в тайне.

Томский подложил руки под голову, прикрыл глаза. Он хотел понять, что с ним происходит. Почему его темная половина так часто дает знать о себе в последнее время? Слишком часто...

«За тобой, товарищ Томский, нужен глаз да глаз. Это вовсе не результат перенапряжения. Это – сумасшествие. Его начало. Дальше будет только хуже».

Его схватка с враждебным миром Метро была длительной. Толика швыряло на самое дно, выбрасывало наверх. Метро хватало его за глотку холодными щупальцами туннельного мрака. Он отбивался и шел в атаку. И в тот момент, когда казалось, что победа осталась за ним, все рассыпалось в прах. Метро нашло лазейку, проникло в голову героя Томского и теперь

пожирало его изнутри. Демонов извне можно победить свинцом и сталью. А внутренних – как?!

«Что за странный шум? То ли свист, то ли...»

Толик хотел встать с кровати, но успел лишь приподнять голову.

«Что за черт? Откуда этот звук? Опять галлюцинация, на этот раз слуховая?»

Да нет же. Рядом кто-то дышал. Если вернулась Елена, то как он этого не услышал? Наверное, погрузившись в мрачные мысли, незаметно для себя вырубился. Ох и попадет же ему за сапоги!

Толя улыбнулся в темноту и тут же похолодел. Он слишком хорошо изучил дыхание жены. Она никогда не дышала так хрипло и прерывисто. Рядом был кто-то другой.

Толик вскочил с кровати. Поймал лампочку, висевшую под потолком. Едва не раздавил ее, пытаясь ввинтить. Наконец вспыхнул свет. Кровать была пуста, но Томский продолжал слышать дыхание незнакомца. Мужское дыхание.

– Кто здесь?

«Ты еще спрашиваешь? Демон. Темная сущность, которых в Метро пруд пруди, пришла по твою душу. Думал, что можешь тут в мире и покое предаваться размышлениям? Отдавать указания и загребать жар чужими руками? Нет, товарищ Томский. Тебе выпал шанс помериться силами со своими страхами один на один. Что теперь? Рванешь за подмогой? Струсил и не станешь биться, как подобает мужику? Беги, трус! Но имей в виду: когда вернешься, в комнате уже никого не будет. Тебя поднимут на смех и начнут шептаться, что у тебя поехала крыша. Что встал, как вкопанный?»

Толик рванул на себя серое одеяло. Заглянул под кровать. Никого! Однако посторонний продолжал дышать. Ему негде было прятаться. Несколько плащей на вбитых в стену гвоздях висели как положено. Кроме кровати, в комнате был только деревянный ящик, служивший тумбочкой.

Оставалось только одно – признать визитера невидимкой и... коснуться вмятины на подушке. Только так. Анатолий протянул руку. Когда пальцы уткнулись во что-то холодное, по спине побежали мурашки. Он коснулся ледяного лица монстра!

Прикосновение разбудило посланца Метро. Томский не успел отдернуть руку. На запястье сомкнулись липкие до омерзения пальцы. Непреодолимая сила заставила Толика опуститься на колени. Свободной рукой он нащупал глаза чудища. Попытался надавить на них. Ответ не заставил себя ждать. Невидимка выпустил руку Томского и занялся его головой: обхватив обеими руками, начал вращать ее против часовой стрелки.

Толя ударил ребром ладони в то место, где по прикидкам была шея монстра. Удар достиг цели, но никакого эффекта не возымел. Еще немного, и он услышит хруст собственных позвонков. Не думал Томский, что умереть придется так бездарно...

И вдруг невидимые руки отпустили голову Томского. Воспользовавшись моментом, он метнулся к двери. Хватит с него этой бесполезной, заранее обреченной на поражение драки! Только вот дверь... исчезла. Вместо нее перед Толиком была дыра в кирпичной стене.

«Стоп. Не паниковать. С тобой и только с тобой происходит что-то странное. Окружающий мир в полном порядке. Дверь не могла исчезнуть. Снова глюки... Воспользуйся этим. Попробуй извлечь из видений полезную информацию».

Анатолий шагнул внутрь дыры и оказался в туннеле. Обычном туннеле, каких полно в Метро. Обрывки кабелей на стенах. Изгиб ржавых рельс и... Никого. Ни единой живой души. Ни единой подсобки, где мог кто-то прятаться. Ни одного подозрительного звука. Даже если демон где-то рядом, он не двигается. Возможно, наблюдает за жертвой.

Томский тоже решил оставаться на месте. «Посмотрим, кто кого перестоит и перемолчит».

Долго ждать не пришлось. Послышались шаги. Ровные, размеренные. Тот, кто был впереди, явно не собирался прятаться. Толик впился взглядом в поворот туннеля. Секунд через десять путешественник должен был появиться в поле зрения.

Кто это будет? Профессор Корбут, шествующий с собственной головой в руках? Его сынок, который принесет письменный ультиматум с требованием вернуть себе власть над Берилагом?

Ни то, ни другое.

Из-за поворота вышел... сам Толик Томский – образца времен проживания на Войковской. Еще не седой, не побывавший в руках профессора сосунок. Парнишка с головой, набитой стихами Гумилева и идеями Кропоткина. С детскими глазами, в которых светится уверенность в возможности перевернуть мир. С походным мешком за плечами. В чистой камуфляжной форме и новехоньких «берцах». С пистолетом в руке.

Судя по экипировке, это был Толик, возглавлявший группу диверсантов, направленную для разгрома лаборатории.

Постаревший Томский подждал свою молодую копию с улыбкой на губах. Ничего кроме умиления он не испытывал. Почаще бы встречать таких призраков. Почаще бы иметь свидания с бесшабашной юностью.

Призрак продолжал шагать навстречу Томскому. Его внимательный взгляд изучал туннель на предмет опасности, не замечая постаревшего собрата. Но вот детали его экипировки сделались не такими четкими, как раньше. На фигуру набежала тень, превратив живой образ в темный силуэт. Призрак остановился в пяти метрах от Томского. Сложил руки на груди. Очень знакомым жестом.

Анатолий не выдержал.

– Чеслав, ты?

– А ты думал, прикончил меня?

Призрак произнес эти слова механическим, лишенным интонаций и эмоций голосом.

– Рассчитывал, что мы больше не встретимся?

Толик прыгнул к призраку, рассчитывая вырвать тайну своих страшных видений одним стремительным маневром и... свалился с кровати.

Больно ударился головой о пол. Чертыхнулся. Бросился к ведру с водой и окунул в него голову. Казалось, что от соприкосновения с разгоряченным лбом вода закипит. Не закипела. Толик немного успокоился. Настолько, что у него мелькнула гениальная мысль: нужно просто не вынимать голову из ведра! Захлебнуться и этим прогнать поселившихся в мозгу демонов. Покончить со всей чертовщиной одним махом.

«А как же Лена? Что будет с сыном, который родится без отца?»

Томский вырвал голову из ведра. Вдохнул полной грудью и сел на кровать. Наблюдая за каплями, которые образовывали на полу лужу, задумался. Ответ должен быть, и нечего искать его в потустороннем мире. Он здесь! Посыл оказался правильным. Толику вспомнились его путешествия по поверхности без противогаса. Мелькнули перед мысленным взором кафельные стены лаборатории профессора Корбута.

«Как можно упустить из вида такую простую вещь! Ты, хочешь этого или нет, наполнив гэмэчел. Создание, неподвластное человеческой логике. Яд, однажды влитый в твои вены, начал действовать давно. Ты, дурак, даже радовался своим способностям. Оказалось, что прогулки по радиоактивным улицам без противогаса – только цветочки. Ягодки появились совсем недавно. Твои видения – результаты действия модификатора. Болезнь прогрессирует, а лекарство от нее можно найти там, откуда зараза взялась. На Красной, черт бы ее подрал, линии».

От этой мысли Томскому сразу полегчало. Так было с ним всегда, когда появлялась цель. Дальше – дело техники. Какой бы недостижимой эта цель ни казалась, существовали способы до нее добраться. Пусть и самые немислимые. Надо было только сделать первый шаг.

И Толик его сделал. Сперва вытер лужу воды на полу. Потом начал вытирать полотенцем мокрые волосы и сморщился от боли. Ох, и здоровенную же шишку он себе набил, сверзившись с кровати! И поделом. Нечего было распускать сопли. В ведре с водой всегда успеешь утопиться. А пока – Красная линия с ее тайнами. Следы работ профессора нужно искать там.

Само собой, у Томского не возникло даже тени мысли отправиться в заповедник Москвина и хватать за глотку его научных гениев с требованием раскрыть секреты проекта ГМЧ. Нужен был всего один человек, который знал о разработках красных если не все, то очень много.

Томский осмотрел комнату и, не найдя следов беспорядка, вышел наружу. Он был уверен: даже пронизательный прапор не найдет на его лице следов нездоровья или бессонницы.

Глава 2

В лапах кошмара

На платформе царило предобеденное оживление. У дощатой будки-кухни выстроилась очередь. Впрочем, те, кто успел получить свою порцию пищи, приступить к еде не собирались. Их внимание было привлечено другим. Слышались хохот и одобрительные возгласы. Причина веселья была проста – Григорий Носов обучал свою шестилапую ласку новым фокусам, и это не могло не привлечь внимания жителей станции. Дрессировщика и Шестеру окружили плотным кольцом. Зрители от души аплодировали уморительным прыжкам зверька и смеялись так заразительно, что Томский сразу присоединился к остальным. Вскоре он уже позабыл о своих переживаниях и едва успевал вытирать выступившие на глазах слезы. Рядом Толик заметил Аршинова. Тот просканировал друга внимательным взглядом и одобрительно кивнул:

– Ну вот, совсем другой коленкор. Выспался и смотришься огурцом.

– Что с генератором? – поинтересовался Томский, показывая, что он действительно в полном порядке и очень интересуется делами станции.

– Почти готов. Скоро наша станция засветится, как новогодняя елочка.

– Не засветится, Алексей.

Толик и прапор одновременно оглянулись. За их спинами стоял комиссар Русаков. Как всегда подтянутый, туго перепоясанный портупеей. С очень мрачным лицом.

– Не засветится, – тихо повторил Русаков. – Генератор придется обменять на пищу и воду. Отойдем-ка в сторонку. Не будем мешать людям веселиться.

– Вечно ты все испохабишь! – пробурчал Аршинов, шагая вслед за комиссаром. – Ему про апельсиновые корки, а он – про свиней.

– Свиньи там тоже не помешали бы, – на полном серьезе отвечал Русаков. – Пора, братцы, забыть о праздничной эйфории и задуматься о том, как жить дальше. Елена, тебе слово.

Только сейчас Томский заметил, что к совещанию присоединилась жена. Лицо у нее было таким же сумрачным, как у Русакова.

– По самым оптимистичным подсчетам, еды хватит на месяц, не больше. Дальше – голод.

– То же самое можно сказать и о топливе, – добавил комиссар. – В общем, братцы-кролики, ресурсы наши на исходе.

– Но мы же не сидим сложа руки! – воскликнул прапор. – Как только разгребемся с работами на станции, займемся делом. Планировали же из нашей станции ремонтную базу сделать, наподобие Автозаводской, и сделаем. Я вот тут небольшой опросец провел... – Аршинов вытащил из кармана смятый обрывок бумаги. – Тэк-с. Вот тут у меня шесть инженеров-строителей, десяток механиков разных специализаций и...

– Это отлично, – прервал его комиссар. – Но пока все завертится, нам необходим стратегический запас. Возможно, придется обращаться к красным.

– Так они тебе жрачки и дали! – хмыкнул прапор. – У этих сквалыг зимой снега не допросишься!

Томский наконец решил взять слово.

– Полис, друзья. Это богатые и дружественные нам станции. Далековато, но... Тогда с красными придется договариваться только о беспрепятственном проходе нашего каравана.

– Именно это я и хотел от тебя услышать, – кивнул комиссар. – Скоро, очень скоро станция имени Че Гевары будет добывать ресурсы самостоятельно. Нам бы только перебиться первое время. Итак, кто за то, чтобы отправить делегацию в Полис?

Аршинов махнул рукой:

– Чего уж там. Мы эту канитель заварили, нам и расхлебывать. Единогласно...

И прапор, тяжело вздохнув, направился к своему генератору. Русаков и Томский некоторое время обсуждали состав делегации, потом комиссар ушел наверх, оставив супругов наедине.

– Мне надо с тобой поговорить, – помолчав, сказал Томский.

– Именно это я и хотела от тебя услышать, – улыбнулась жена, имитируя интонации Русакова. – Давно пора...

– Ты еще не знаешь, о чем я...

– Все знаю, милый. От твоих криков по ночам мне делается страшно.

– Возможно... Я болен, девочка. Возможно, лекарства нет. То, что вижу... Это...

– Генмодификатор Корбута?

– Думаю, да.

– Проклятый Корбут! Эта тварь никогда не оставит нас в покое!

Елена сказала последнюю фразу слишком громко. Томский быстро осмотрелся. Хорошо, что люди, наблюдавшие за играми Шестеры, успели разойтись и рядом никого не было. Толе не хотелось, чтобы о его проблемах знала вся станция.

Он взял жену под руку, провел ладонью по ее лицу, вытирая выступившие на глазах слезинки.

– Успокойся, дорогая. Нет смысла кричать. Может, не так уж все и плохо. Давай спокойно прогуляемся. Постарайся улыбаться...

Елена кивнула и пошла рядом с мужем.

– Послушай... На Красной линии ты была далеко не последним человеком...

– И далеко не первым.

– Простой комсомолке ни за что не доверили бы управлять траурным поездом Ленина.

– Пусть так. Что ты хочешь услышать?

– Кто, кроме Корбута и его помощников, мог знать о «Проекте ГМЧ»? Эта разработка не могла возникнуть на пустом месте, будь даже покойный Михал Андреич трижды гением.

Елена молчала долго. Наконец задумчиво произнесла:

– Есть один персонаж, который знает о делах красных, пожалуй, больше, чем сам Москвин. Это Яков Берзин.

Перед глазами Толика тут же встало бледное, чахоточного вида лицо с наивными голубыми глазами. Это он до последнего момента сохранял железное спокойствие в кромешному аду боя за Берилаг. Это его Томский отпустил на все четыре стороны, хотя, по сути дела, должен был отдать под расстрел. Старый знакомый Яков Берзин. Елена права, если кто-то и может вывести на след оставшихся в живых разработчиков «проекта ГМЧ», так только он. Но как связаться с Берзиным? Как встретиться с ним? Ответы на эти вопросы мог дать только Вездеход, умевший проникать в любую щель и выходить сухим из воды.

– Спасибо, девочка, – Толя чмокнул жену в щеку. – Я знал, что ты pomoжешь мне дельным советом. Спасибо. Теперь мне надо...

Елена завладела рукой мужа и крепко ее сжала.

– Толик. Пообещай мне, что ты не покинешь станцию и не впутаешься в новую историю. Для того, чтобы победить болезнь, вовсе необязательно снова рисковать головой. Пообещай мне...

– Я только попытаюсь переговорить с Берзиным. Дальше будет видно.

– Я так и знала!

Лена выпустила руку мужа, отвернулась и быстро зашагала к своему продуктовому складу. Томский смотрел вслед жене, вспоминая, на каком она месяце. В любом случае, ждать рождения ребенка недолго. Он не смог ничего обещать Лене, но постарается сделать все, чтобы быть рядом с ней, когда это будет нужно больше всего. Утешив себя этой мыслью, Анатолий отправился разыскивать старого приятеля.

* * *

Вездехода, как на зло, нигде не было видно. Зато повстречалась Клавдия Игоревна – женщина с обезображенным лицом и глубоко запавшими глазами, известная когда-то под именем Мамочка. Сейчас она мало походила на существо, которым не столь уж давно пугали жителей Метро. Клавдия Игоревна хоть и повидала немало горя с момента первого знакомства с Томским, сейчас выглядела довольно бодро. В глазах ее светилось уже не отчаяние загнанного в угол зверя, а домашнее тепло. Толя часто и подолгу беседовал с Мамочкой. Не только потому, что когда-то она подобрала его полумертвого и выходила. Томский испытывал искренний интерес к ее рассказам о муже – полковнике, герое-сталкере.

Рядом с Клавдией Игоревной всегда вертелся ее сын – шустрый пацаненок Мишка. Вот и сейчас он настойчиво теребил рукав куртки Томского.

– Дядь-Толь, а когда в следующий раз на поверхность пойдете, меня можете с собой взять?

Томский с грустной улыбкой смотрел в темные глаза мальчугана. «На поверхность... А знаешь ли, брат, что там, на поверхности? Только холод и пустота. Завывание ветра, обгладывающего руины, да мутное пятно солнца, окутанное то ли дымом пожарищ, то ли просто тучами, которые впитали в себя радиоактивную пыль... Эх, Мишка, не стоит тебе видеть такого! Пока, во всяком случае. Подрасти для начала. Как знать, может, тебе будет суждено увидеть другую поверхность? Хоть немного похожую на ту, что осталась в безвозвратном прошлом...»

– Посмотрим, Михаил, – произнес Анатолий вслух. – Может, и возьму, если, конечно, маму слушаться будешь.

– Буду, дядь Толь, еще как буду!

Мишка умчался смотреть на то, как Аршинов, ругаясь отборным армейским матом, пытается запустить генератор. Клавдия Игоревна пристально посмотрела на Томского.

– Что-то не нравишься ты мне, Анатолий, в последнее время. Выглядишь совсем как тогда...

– Я всем не нравлюсь! – с неожиданной грубостью оборвал женщину Толик. – Все за мной наблюдают! Все что-то во мне выискивают. Словно сговорились! Неужели нельзя оставить человека в покое? Здоров я, здоров!

– Я лучше пойду, – теперь Клавдия Игоревна смотрела на Анатолия с нескрываемым испугом. – Не пойму, и чего я такого сказала?

«Стоп! Ситуация с Русаковым повторилась. Тогда ты ни с того, ни сего набросился на комиссара, теперь обидел женщину. А ведь она права. Да и сам ты знаешь, что за последние несколько дней превратился в какого-то маньяка. Знаешь и не можешь себя сдерживать! Ты становишься опасным для людей, товарищ. Ищи своего Берзина, а пока не нашел – держись подальше от людей, вот и весь сказ».

Томский до крови прикусил губу:

– Простите, Клавдия Игоревна. Я и вправду... неважно себя чувствую.

– Ничего, Толик, – приподнявшись на цыпочки, женщина ласково провела по волосам Томского. – Отдохнешь, и все пройдет.

– Конечно. А вы-то как?

– Хорошо. При кухне я. Работы много, но разве в этом дело? Сейчас я впервые в жизни чувствую себя нужной людям...

Расставшись с Клавдией Игоревной, Томский решил тоже хоть немного побыть полезным людям. Он направился к группе рабочих, которые разравнивали строительный мусор на путях и делали в нем прямоугольные ямы. На подготовленных площадках собирались возвести хозпостройки.

Вооружившись тяжелым ломом, Томский принялся воевать с неподатливыми глыбами бетона и кусками кирпичной кладки. Работа помогла забыть о проблемах. Томский так усердно молотил ломом, что через пару часов руки покрылись мозолями. Вытирая со лба катившийся градом пот, он услышал знакомый смех. Уперев руки в бока, на платформе стоял Вездеход. Как всегда – в перевернутой козырьком назад бейсболке, с приветливой улыбкой на смышленном личике.

Карлика не привлекали к работам, поскольку рыть и долбить мог любой. Вездеход был гораздо полезнее для станции в своем обычном амплуа. Вот и сейчас, судя по запыленной курточке и выпачканным в грязи кроссовкам, он вернулся из очередной «командировки».

Томский воткнул лом в щебень, подошел к Носову и пожал ему руку:

– На ловца и зверь бежит.

– А тебя, Толян, никак в рядовые перевели?

– Сам напросился. Надоело баклуши бить в начальниках. А ты что подельывал?

– Прощвырнулся по ближайшим станциям. Аршинов просил выведать, не завалилось ли где неисправное оборудование. По дешевке хочет скупить, спекулянт.

– Нам ли не знать этого армейского шустрилу! – рассмеялся Толик. – Он как с казенным обмундированием начал темные дела крутить еще до Катастрофы, так до сих пор и не может остановиться... Слушай, Вездеходыч, есть дело. На Красную линию метнуться надо...

– Так я, можно сказать, только оттуда.

Но когда Томский объяснил Вездеходу суть задачи, тот враз посерьезнел. Проникнуть требовалось не куда-нибудь, а в самое сердце коммунистического государства. И все же в глазах карлика Томскому удалось разглядеть не только озабоченность, но и озорной огонек. Носову нравились трудные задачи. Разговор с Томским закончился тем, что карлик достал из своего походного рюкзака лист бумаги и огрызок карандаша. Толик черкнул пару слов для Берзина.

– Отправляюсь немедленно, только пожрать бы, – заверил Вездеход.

– Чем помочь?

– Хорошо бы дрезину, но только чтоб до Черкизовской подбросили. Дальше мне на своих двоих сподручнее будет...

Распрощавшись с Вездеходом, Толик собирался вернуться к работе, но увидел, что жители станции имени Че Гевары уже ужинают. Сбившись в кучки человек по десять, они с аппетитом хлебали грибную похлебку. Стучали по дну мисок ложки, слышались разговоры и смех. Томский искренне завидовал этим людям, для которых жизнь сводилась к тяжелому труду и бесхитростным радостям вроде миски жидкого варева да возможности поболтать с друзьями.

Сам он настолько устал, что хотел только одного – поскорее добраться до постели. И все же в этой усталости имелся один несомненный плюс: Толик был уверен – сегодня он уснет без задних ног. Впервые за последнюю неделю без ставших уже привычными кошмаров.

* * *

Едва волоча ноги, Томский добрался до своей комнатухи. Света зажигать не стал, просто снял сапоги и осторожно влез под одеяло. Нагретая теплом Елены постель окутала тело сладкой истомой. Толик прикрыл глаза. С женой он поговорит завтра. Возможно, никуда идти и не потребуется – он переборет болезнь здесь, а когда появится ребенок, вообще забудет напрочь о кошмарах. При мысли о малыше Томский улыбнулся. Ему даже показалось, что он слышит плач новорожденного и бессвязный детский лепет. Но вот эти звуки сменились совсем другими: тихими, вкрадчивыми голосами. Они наперебой молили Томского куда-то идти и

сделать то, что не терпит отлагательств. Один из этих голосов выделялся из общего хора. Звучал он громче и убедительнее остальных:

– Вставай, Томский! Вставай, а не то будет поздно! Останови это! Останови!!!

Толику даже показалось, что он и в самом деле поднялся, пошел на зов.

«Нem!»

Собственными снами можно управлять. Можно просто отдать себе приказ проснуться и сбросить мутную пелену кошмара.

«Давай же! Борись, солдат!»

Все члены одеревенели, однако открыть глаза Толик все-таки сумел. Он по-прежнему был в своей комнате. Встав с кровати, Томский сделал несколько движений, проверяя, в порядке ли руки и ноги. Физическое его состояние оказалось отменным, чего нельзя было сказать о голове. Та гудела, как чугунный котел, по которому грохнули железной палкой. Ничего, до свадьбы заживет. Вот только уснуть сегодня больше не получится.

Толик решил прогуляться по платформе. Стараясь не разбудить жену, он потянулся к сапогам... которых на привычном месте не оказалось. Томский уже собирался ввинтить лампочку, но вдруг понял – он *уже* обут! Сердце превратилось в кусок льда. Анатолий прекрасно помнил, как снимал сапоги, но хоть убей, никак не мог припомнить, чтобы надевал их обратно. А может, и ходил куда-нибудь во сне?! Толик выбежал в вестибюль и замер, как вкопанный. Что за дела? Почему так тихо? Тишина эта была непростой. Чувствовалось в ней что-то такое, от чего Томского начала бить дрожь. Ни единого звука. Словно все жители станции имени Че Гевары разом покинули свой дом.

На платформе горело только дежурное освещение. Ни звука. Спеша разобраться что к чему, Томский ускорил шаг. Не успел он спуститься с последней ступеньки лестницы, как поскользнулся и, с трудом удержав равновесие, взглянул себе под ноги. О черт! Он стоял в луже крови. Успевшей загустеть, но еще свежей. Впереди, прямо на середине платформы лежал человек. Кожаная куртка. Комиссар Русаков!

Томский бросился к другу. Рухнул перед ним на колени и попытался приложить ухо к груди. Не получилось. Помешала ручка штык-ножа. Кто-то воткнул его Русакову точно в сердце. Не горевший в огне, не тонувший в воде предводитель Первой Интернациональной нашел свою гибель в самом безопасном из всех безопасных мест.

Томский встал и лишь теперь увидел, что вся платформа завалена трупами. Вот почему так тихо! Станция имени Че Гевары была мертва. Погибли все. Выжили только они с женой. Наверное, потому, что не покидали своей комнаты.

Толик медленно побрел по платформе, стараясь не наступать на бездыханные тела и обходя лужи крови.

«Все, Томский. Вот и финал твоей героической эпопеи. Угон красного поезда, освобождение станции и строительство на ней новой жизни закончилось горой трупов. Что остается, команданте Анатолий? Ответ очевиден: не утруждать себя поиском убийц, а просто пустить себе пулю в лоб. Присоединиться к людям, чьих надежд ты не оправдал. Точка».

И тут Томский услышал стон. Кто-то выжил. Само по себе это ничего не меняло, но, по крайней мере, можно было узнать подробности кровавой бойни.

Стонавший человек лежал лицом вниз, но Толик сразу узнал: Аршинов! Томский перевернул прапора и склонился над залитым кровью лицом.

– Лёха, что тут...

Аршинов открыл глаза. Его посеревшие губы зашевелились:

– За что, Толян?.. За что ты их всех?! Нас всех?..

– Я?!

Больше прапор ничего не сказал. Взгляд его сделался неподвижным. Лицо окаменело.

Томский встал. Еще раз окинул взглядом поле последней битвы. Предсмертные слова Аршинова вернули ему память. Перед глазами замелькали сцены кровавой бойни. Разинутые в криках рты. Руки, вскинутые в тщетной надежде защититься. Падающие друг на друга тела. Толик вспомнил все. Сначала он палил из автомата. Когда кончились патроны, воспользовался пулеметами верного «Терминатора». Оставшихся в живых добивал вручную. Никто не ожидал нападения со стороны основателя станции. Эффект внезапности сработал безотказно. Он выиграл и этот бой.

Вот только зачем? Ах, да. Построить новую жизнь без полного разрушения старой невозможно. Лишь тотальное уничтожение зараженных Метро, насквозь прогнивших людишек позволит создать новую расу. Расу господ. Тех, кто сможет навести в грязном подземелье настоящий порядок. Кровь плебеев удобрит почву, на которой вырастет сообщество сильных и крепких телом сверхлюдей. Им будет нипочем ни радиация, ни порожденные ею мутанты. Человек вновь выйдет на поверхность. Уже не прячась. С гордо поднятой головой...

Томский улыбнулся. Наконец-то он нашел верный путь. От чувства сопричастности к великому будущему человечества закружилась голова. В памяти всплыли вычитанные в какой-то из книжек слова «Интернационала».

– Мы на наш, мы новый мир построим, – прошептал Толик пересохшими губами.

Глава 3

Совет зачатого друга

Проснувшись, Елена застала мужа сидящим на кровати. Толик уставился в стену, как будто пытался отыскать что-то среди курток и плащей, висевших на гвоздях. Томский не сразу отозвался. Елене пришлось окликнуть его несколько раз, прежде чем он обернулся.

– Что с тобой, Толик?!

Томский сделал удивленные глаза, наморщил лоб, будто силясь понять, что за женщина с ним говорит. Провел рукой по лбу, улыбнулся:

– Видишь ли, дорогая, сапоги...

– Что с сапогами? – Елена никогда не видела мужа таким, поэтому была на грани истерики. – При чем здесь сапоги?!

– В общем-то, ни при чем, – Томский встал и в задумчивости прошелся по комнате. – Главным образом...

Закончить свою глубокомысленную речь он не успел. Елена подбежала к мужу и вlepила ему такую пощечину, что на щеке загорелось красное пятно.

– Ты чего?

– А ты чего? Зачем меня пугаешь?

– Лена, Леночка! Прости! – по выражению лица Толика было видно – только сейчас он вернулся в реальность окончательно. – Я не хотел! Честное слово, не хотел. Просто что-то накатило...

– Накатило... Накатило... Ну, на первый раз прощаю, – Лена вымученно улыбнулась и погрозила мужу пальцем. – Но чтоб больше не накатывало!

– Обещаю!

– Сиди тут. Я чаю принесу. На тебе лица нет...

Утренний грибной чай заваривали на общей кухне. Для того, чтобы его принести, требовалось пройти по платформе. Томский побывал там еще ночью. Убедился в том, что никого не убивал и кошмарную сцену гибели станции видел лишь во сне. Однако жену он ждал с нетерпением и... трепетом. Что если сейчас он услышит ее истошный вопль, выбежит навстречу и увидит заваленную трупами платформу?

«Плохо твое дело, товарищ Томский. Ох, как плохо. Перестал доверять собственным глазам? Скоро тебе потребуется консультант-поводырь. Будешь сверять его ощущения со своими, искать среднее арифметическое и, основываясь на нем, составлять мнение об истинном положении вещей. Веселенькая же у тебя начинается житуха!»

Скрипнула дверь, и на пороге появилась Елена с двумя кружками в руках.

– А вот и я! Там тебя Аршинов добивается по какому-то важному делу. Я сказала, что дела подождут. Война войной, а завтрак по расписанию.

Томский посмеялся над шуткой Лены. Как показалось ему самому – слишком фальшиво. Жена принялась рассказывать о своих планах на день. Говорила что-то о продуктах, сетовала на продовольственные проблемы. Томский кивал в знак согласия, даже что-то отвечал, но мыслями был далеко. Ему никак не давал покоя инцидент с сапогами. Не инцидент, если быть откровенным, а зловещий симптом. Только присутствие Елены мешало вновь с головой окунуться в размышления о лабиринтах подсознания. Он с трудом дотерпел до конца завтрака и поспешил к Аршинову.

* * *

Прапор встретил его в компании двоих парней. Одного Томский узнал сразу – это был долговязый часовой с наивными глазами, участник сюжета одной из галлюцинаций. Второй был постарше, кряжистей и отличался очень мрачным видом. Он почему-то постоянно сопел, что придавало ему обиженный вид.

– Слышь, Томский, эти клоуны, – Лёха сделал ударение на слове «клоуны», – треплются о том, что ночью по платформе кто-то шастает.

– И ничего я не треплюсь, – надул губы обиженный. – Своими глазами того мужика видел. Весь в желтом с головы до ног. Вон там он ходил. Пригibasся, пада...

– В желтом! Скажешь тоже, – хмыкнул долговязый. – Обычная у него одежда. Камуфляж. И ростом он примерно с вас будет.

Когда парень поднял руку, указывая на Томского, тот вздрогнул. К счастью никто этого не заметил. Часовые продолжили спорить, а прапор – насмехаться над ними.

– К черту пошли, оба! – рявкнул он, в конце концов. – В желтом, не в желтом... Нечего мне тут панику сеять! Зарубите себе в носы: никто из посторонних ночью по нашей станции не шарится. Ясно?

«Посторонних? Ай, да Аршинов! Влепил в самую точку. Не посторонние ночью гуляют по платформе, а те, кто не помнит, когда надевали свои сапоги. Тебе достаточно протянуть руку, чтобы схватить шатуна за шиворот».

Томский вновь дернулся. На этот раз он испугался, что произнес эти слова вслух. Часовые не ошиблись. Они действительно видели его на платформе. Наверняка бродил в полубреду, прислушиваясь к голосам из своей больной головушки. Может, стоит сказать Лёхе правду? Нет. Пока нет. У него еще остался запасной козырь в рукаве. Правду он скажет после того, как Берзин откажет ему в надежде на излечение.

– Пороха ребятки не нюхали, вот и мерещится им всякая чертовщина, – с деланной беззаботностью подытожил Томский. – У страха, как говорится...

– Гм. Точно. Не служили они под моим началом. Я ж, Толян, и не из таких увальней сто процентных солдат лепил. Не поможешь мне с генератором? Опять, сука, фурычить не хочет.

– Извини. Я к другой бригаде уже пристроился...

В этот день Толик вновь взялся за лом. В перерывах между долбежками резал кусачками колючую проволоку. После Берилага этого добра на станции скопилось уйма. «Колючка» мешала, поэтому ее разрезали на короткие куски и зарывали в строительный мусор.

Помогать в этой работе «Дядь-Толе» вызвался вездесущий Мишка. Он без умолку болтал и старался рассмешить старшего товарища, однако тому было не до смеха. Томский нет-нет да и поглядывал на стальные ворота. Он понимал, что Вездеходу никак не управиться ни за день, ни за два, и все равно с нетерпением дожидался возвращения карлика.

«Скорее всего, Вездеход вернется ни с чем. Даже если ему удастся добраться до Берзина, тот, скорее всего, не согласится на встречу. Передаст через карлика, что посылает тебя куда подальше, и вся недолга...»

– Дядь-Толь, а я знаю, кто у нас по платформе ночами ходит, – неожиданно сообщил Мишка. – Я видел...

– Кого?

– Пока не скажу, – пацан заговорщицки подмигнул. – Боюсь ошибиться, но... Очень скоро буду знать точно.

Томский внимательно посмотрел на мальчика.

«Какого хрена шкет с тобой играет? Почему не скажет напрямую: “Дядь-Толь, ночью по станции бродите вы. И нечего прикидываться илангом!”».

- Скоро, – вновь пообещал пацан. – Вы будете первым, кому я обо всем расскажу.
- Спасибо за доверие, Михаил и... Пстой-ка.

Толик сунул руку в карман и протянул Мишке желтый кругляш диаметром в два сантиметра, в центре которого была звездочка. Эта пуговица от кителя или шинели времен Советского Союза попала ему на глаза в кабинете Корбута. Он зачем-то сунул ее в карман и лишь теперь нашел применение.

- Держи, Мишка.

Глаза мальчика зажглись радостным блеском. Он долго рассматривал подарок.

- Спасибо, Дядь-Толь!!! Я у мамки шнурок выпрошу и буду ее на шее носить.

* * *

Опасаясь возвращения ночных ужасов, Анатолий попросился на дежурство. Якобы для того, чтобы проверить заявление часовых. Само собой, в *эту* ночь посторонних на платформе не наблюдалось. Томского разбирал смех, когда он видел, как часовые пялятся в тот угол, где накануне разгуливал пришелец. Его так и подмывало сказать парням, чтоб зря не мозолили глаза.

Утро принесло новые заботы. Томский участвовал в нескольких совещаниях, касающихся направления делегации в Полис, потом вновь работал ломом. К вечеру он окончательно утратил надежду на возвращение Вездехода. Воображение рисовало мрачные картины поимки и расстрела карлика.

Верный себе Коля Носов появился, как всегда, неожиданно. Как ни в чем не бывало присел рядом с Толиком во время ужина, держа в своих ручонках миску исходящего паром супа. Никак не отреагировав на радостную улыбку Томского, зачерпнул горячее варево, отправил ложку в рот и блаженно причмокнул:

– А хорошо все-таки дома оказаться! Два дня всухомятку перебивался. У красных-то я на довольствие пока не поставлен.

– Если и дальше будешь тянуть, я тебя, Вездеходыч, и здесь с довольствия сниму. Колись, какие новости?

– А разве я когда-нибудь плохие приносил? – хитро прищурился Носов.

– Значит...

– Значит, согласился твой Берзин на встречу. Сам удивляюсь, как мне удалось его уговорить.

Вездеход невозмутимо принялся хлебать свой суп, а Томский подскочил, готовый к тому, чтобы схватить ехидного карлика за шиворот и вытряхнуть его из курточки вместе с подробностями.

– Где, Вездеход? Где он?

– На середине туннеля, что к Черкизовской. Ждет-с. А ты здесь дурака валяешь. Смотри, Томский, как бы не надоело Яшке тебя дожидаться.

– Ну, хватит! – улыбнулся Томский. – Проводишь?

– Счас. Только суп доем. И имей в виду, Толян: из-за тебя я без добавки остался.

– Компенсирую.

– Ага. И оружие не бери. Берзин требует, чтоб ты явился один и без гранатомета в кармане.

О том, что покидает станцию, Томский не сказал никому. Аршинов обязательно увязался бы следом, а Русаков потребовал бы вынести вопрос на всеобщее голосование.

Выйдя за стальные ворота, Томский не стал включать фонарик. Темнота доставляла определенные неудобства, но позволяла чувствовать себя спокойнее. Ведь несмотря на кажущуюся

доброжелательность Берзина, он оставался врагом. Хитрым, изворотливым. Врагом, с которым следовало считаться.

Вскоре к Анатолию присоединился Вездеход. Он понял все без слов, кивнул другу и молча двинулся вперед. Подал голос только один раз – достал из рюкзачка трубку с отравленными иглами и шепотом сообщил:

– Я немного отстану. Подстраховочка не помешает.

– Мои мысли читаешь.

Дальше Толик пошел один. Шагая вдоль стены, он думал о форме, в которой расскажет Якову про свою проблему. Нельзя было показывать себя слабаком. Томский давно и твердо усвоил: со слюнтяями и мямлями в Метро разговаривают иначе, чем с теми, кто знает себе цену. Давить на жалость в этом мире бесполезно. Разговор лишь тогда будет продуктивным, когда его ведут равные.

Из глубины туннеля донеслось легкое покашливание. Толик ускорил шаг. Берзин не случайно обнаружил свое присутствие – играть в конспирацию больше не имело смысла. Томский вышел на середину туннеля, и тут же метрах в десяти вспыхнула спичка. Ее огонек осветил худощавое, высоколобое лицо. Кусочки пластыря на подбородке, папироса в углу рта. Берзин устроился прямо на рельсах. Форма без знаков различия, как всегда, висела на нем мешком. Яков прикурил, приветственно махнул Толику рукой:

– Вот уж не думал, что получу письмо. *От тебя.*

– Я тоже не думал, что придется писать. *Тебе.* Жизнь заставила...

Томский остановился. Хотел протянуть чекисту руку, но передумал. Если Берзин сочтет рукопожатие уместным, то пусть сделает первый шаг. Не счел. Просто продолжал курить и поинтересовался:

– Я надеюсь, что «проект ГМЧ» волнует тебя на самом деле. Если бы потребовалось заманить меня в ловушку, ты придумал бы что-нибудь поинтереснее.

– Яков, по-моему, у меня была прекрасная возможность разделаться с тобой.

– Была. Ты поступил благородно. И лишь поэтому я здесь. Вновь нахожусь в полной твоей власти.

– Брось, – Томский искал взглядом предполагаемых спутников Берзина, но никого не увидел. – Не верю, что ты не позаботился о страховке.

Смех Берзина перешел в надсадный кашель.

– Тут ты прав...

Толик услышал хруст щебня за спиной и не спеша обернулся. По обеим сторонам туннеля стояли два рослых парня, затянутые в черное. Полумаски, скрывающие нижнюю часть лица, автоматы. Томский мысленно поаплодировал подручным Якова. Настоящие профессионалы. Интересно, где они прятались? Скорее всего, вон в той подсобке. Толик вспомнил, что взглянул на нее лишь мельком. Непростительная ошибка.

– Не волнуйся, – ухмыльнулся Берзин. – Они не станут вмешиваться в нашу беседу, если ты сам не дашь к этому повода.

– Эй, гориллы! Стоим на месте и не пытаемся обернуться! – донесся из темноты голос Вездехода. – Первый, кто попробует дернуться, получит отравленную иглу в задницу!

Пришел черед улыбаться Толику. Берзин одобритительно кивнул.

– Что тут сказать? Мы, Томский, стоим друг друга. Теперь, когда нет недомолвок, можно переходить к сути.

Толик опустил на рельс рядом с Яковым.

– «Проект ГМЧ»... он ведь не сгинул окончательно вместе с покойным профессором? Кто-то наверняка вел параллельные разработки?

– Естественно. Коммунисты всегда идут к поставленной цели разными дорогами. Так вернее. Корбут достиг наибольших успехов, поэтому на заключительном этапе все силы и сред-

ства были брошены на реализацию его идей. Что касается разработок, которые свернули... Гм. Припоминаю только одну. Над ней работали специалисты Академлага, специальной структуры, состоящей из репрессированных врагов народа. В свое время партия приняла решение предоставить предателям возможность искупить вину. «Пятерка», то бишь Академлаг, просуществовала в Метро-2 с сорок шестого по пятьдесят третий. Ее работу курировал лично Лаврентий Палыч.

– Почему «пятерка»?

– Подземный городок ученых был построен в форме пятиконечной звезды. Пять лабораторий, работающих по разным направлениям, располагались в ее лучах. В Академлаге занимались разработкой новых видов вооружений, способов выживания в экстремальных условиях и еще черт знает чем. Все закончилось вместе с гибелью Берии. Проекты свернули, а ученых...

– Убрали, по доброй старой традиции?

– Даже трудясь на благо страны, они оставались врагами и предателями, – в голосе Якова послышались оправдательные нотки. – Был применен, пожалуй, самый гуманный способ ликвидации. Газ.

– Стало быть, погибли только люди. Оборудование...

– Томский, Томский, – Берзин бросил окурок и старательно растер его сапогом. – Не забывай, что я рассказываю тебе одну из легенд. Академлаг превратился в миф задолго до твоего рождения. Ты ведь не собираешься пускаться на поиски легенды?

Молчание Анатолия было слишком красноречивым. Берзин вздохнул:

– Неужто *настолько* прищемило?

Толик вновь ничего не ответил.

– Хорошо, Томский. Раз уж тебе так хочется побывать в Академлаге, подскажу единственную зацепку. Я знаю только одного человека, который знает дорогу к этому месту. Некий Шаман. Личность темная. Сталкер и авантюрист, не раз осмеливавшийся проникать в самые гиблые дыры Метро. Я видел парнишку всего один раз, когда предлагал сотрудничество от имени Красной Линии. Получил категорический отказ. Не знаю точно, жив ли Шаман сейчас, но это все, что у меня есть. Мы встречались с ним на Партизанской.

– Не густо, товарищ Берзин, но уже кое-что.

– Рад был помочь, – Яков встал и на этот раз протянул Томскому руку. – Желаю удачи.

Томский пожал узкую, сухую ладонь Берзина и, развернувшись, прошел между парочкой автоматчиков, чувствуя спиной их не слишком дружелюбные взгляды.

– И еще, Анатолий, – донеслось из темноты. – Думаю, тебе будет интересна судьба... а впрочем, пустое! Будь здоров, анархист!

Из темноты вынырнул карлик.

– Как все прошло?

– Благодаря тебе, Вездеход, на «ура». Скоро мне предстоит командировочка. Составишь компанию?

– Куда ж я денусь с подводной лодки? – улыбнулся карлик.

Только на подходе к станции Толик вспомнил, что все закончилось и нет нужды пробираться по туннелю на ощупь. Вытащив из кармана фонарик, он передвинул выключатель. В расщепе темноты конусе света Томский увидел такое, отчего фонарик выпал из руки и, подпрыгивая, покатился по шпалам. По обеим сторонам туннеля стояли люди. Некоторых Анатолий знал очень хорошо, с другими не встречался вовсе. Мужчин и женщин, детей и стариков объединяло одно – все они были мертвы. Бледные лица, покрытая зеленоватыми трупными пятнами кожа, неподвижные глаза. Мертвецы, как это полагалось им по роду занятий, не протягивали к Томскому руки, не пытались вцепиться в его одежду скрюченными пальцами. Они просто стояли. Толик узнал своего старого друга, Сергея, которому лично снес полчерепа в бою на Лубянке. Увидел в шеренге Димку – гэмэчела, унесенного крылатым ящером. Вытя-

нувшегося по стойке «смирно» чекиста Никиту. Профессора Корбута в залитом кровью халате. Владара, напялившего на себя пояс шахида. Все, к чьей смерти Томский был как-то причастен, собрались здесь, чтобы напомнить о себе и приветствовать его в своем мире.

Ракурс резко сменился. Томский увидел над собой сводчатый потолок туннеля. Лицо Вездехода, который что-то говорил. Потом почувствовал, как его подхватывают на руки, несут к стальным воротам станции. Карлику такой фокус не под силу. Анатолий повернулся, чтобы увидеть того, кто тащит его на руках. Опять мертвецы. Гиви Габуня и Мартин Лацис, с испачканными засохшей кровью лицами. Два брата-акробата отчего-то вызвались помочь Вездеходу доставить Томского домой. Даже сквозь одежду Толик чувствовал ледяные прикосновения рук призраков. Но предпринимать ничего не собирался. Его вдруг охватило полное безразличие ко всему и вся. К мертвецам, которые, выстроившись в колонну по трое, шли на станцию, к Вездеходу, чей голос доносился откуда-то издалека, к своей болезни. Пусть все идет своим чередом. Поглядывая на колонну призраков, Толик чувствовал, что в ней кого-то не хватает. Лишь когда скрипнули стальные ворота и свод туннеля сменился потолком станции, Томского осенило. Он ожидал увидеть среди мертвецов Чеслава Корбута, но его там почему-то не было.

Дальше был потолок своей комнаты и встревоженный голос Елены. Анатолий почувствовал на лбу смоченную водой тряпку и на несколько секунд вернулся в реальность.

– Не знаю, что на него нашло. Шел себе, шел, вдруг включил фонарик и... свалился на рельсы. Потом понес какую-то ахинею о параде мертвецов, – объяснял Вездеход.

– Плохо дело, – отвечал Аршинов. – Ты уж, Лена проследи, чтобы он дня три с кровати не вставал.

– Спасибо за заботу, Лёха, – прошептал Томский. – Но со мной все в порядке. Немного отдохну и...

Довести свою мысль до конца он не успел – силы оставили его окончательно.

Глава 4

Доктор Джекил, мистер Хайд

Сгусток оранжевого света то медленно плыл по темноте, то начинал раскачиваться с такой скоростью, что сливался в пылающую дугу. Свет этот не рассеивал мрака, а делал его еще гуще. И при всем этом загадочный огонек вел Томского. Куда и зачем? Толик этого не знал, лишь подозревал, что идет навстречу тайне, которую жизненно необходимо срочно раскрыть. От того, способен ли он на это, зависела его дальнейшая судьба.

Когда из темноты выпрыгнула чья-то рука, Томский даже дернулся. Он уже знал, что в полу его куртки вцепился молодой часовой.

– Говорю тебе, Толик. Это человек... Это существо в желтом появляется из ниоткуда, чтобы исчезнуть в никуда, – чрезвычайно быстро, но членораздельно залепетал он. – Сейчас оно здесь. Слышишь шаги?

Толик слышал. Оттолкнув часового, он двинулся вслед за оранжевым огоньком – своей путеводной звездой. Она описала в воздухе плавную дугу и повисла над тлеющими угольками костра. Желтый хоть сидел спиной к Толику, но, конечно же, знал о его присутствии. Он спокойно погрузил руку в костер, зачерпнул пригоршню угольев и принялся пересыпать ее из одной ладони в другую. Существо хотело продемонстрировать Томскому, что не чувствует боли.

Анатолий обошел вокруг костра и наконец увидел лицо Желтого. Хобот противогаса рос у монстра прямо из носа, вместо глаз поблескивали два круглых, вросших в кожу стекла, а фиолетовые губы были плотно сжаты. Костюм химзащиты ядовито-желтого цвета облегал тело чудища, как перчатка. Возможно, этот наряд был вовсе не костюмом, а кожей существа.

– Кто ты?

Вместо Желтого на вопрос Толика ответило эхо:

– Кто ты, кто ты, кто ты, кто ты...

– Что тебе нужно на моей станции?

– Нужно на моей станции, моей станции, станции...

– Уходи или...

– Или? – наконец произнесло чудовище. – Фиолетовые губы раздвинулись, обнажив ряд мелких, острых зубов и черный, распухший язык. – Или что, Томский?

– Я убью тебя!

– Глупо. Ведь я – это ты.

Желтый вдруг швырнул в него пригоршню угольев. Они угодили в грудь и просыпались под одежду.

– Ну все, урод!

Томский перешагнул через костер и сомкнул руки на шее монстра, который даже не пытался сопротивляться. Он душил Желтого с упоением. То ослаблял хватку, позволяя монстру сделать глоток воздуха, то усиливал давление. Темные стекла превратились в глаза, хобот исчез. Умирая, чудовище превращалось в человека. Анатолий разжал пальцы. Желтый завалился набок. Его тело уменьшилось в размерах. Будто сдулось.

– Дядь-Толь...

Томский в ужасе попятился. У потухшего костра лежал вовсе не монстр, а Миша. Что он натворил?! Толик упал на колени, приник ухом к груди мальчика. Сердце того не билось.

Томский закрыл глаза, тряхнул головой. Проверенный способ изгнать кошмар сработал – Анатолий больше не видел тела. Вокруг вновь царил непроглядный мрак, по которому плыл оранжевый огонек. Толик наконец понял его природу. Это была нить накаливания лампы-почки-груши. Он был в своей комнате. Лежал на кровати с подсохшей уже тряпкой на лбу.

Елена уснула прямо на табурете, прислонившись к стене. Анатолий встал. Коснулся рукой плеча жены. Та дернулась, открыла глаза.

– Ой, я, кажется, уснула. Ты как?

– Отлично. Ложись.

– А ты?

– Да вот, что-то проснулся и не могу уснуть, – Толик взял с тумбочки потрепанный томик Кропоткина. – Почитаю.

Томский пробежал взглядом несколько страниц, чтобы понять: рассуждения Петра Алексеевича об устройстве общества совсем не то, что нужно сейчас. Может, тогда Гумилев? Стихи не раз помогали Томскому собраться с силами. Он сменил книгу, но вскоре отложил и Гумилева.

Прокрутил в голове вчерашний день. Встречу с Берзиным. Вспышку света фонарика, вызвавшую череду галлюцинаций. Значит, вчера он вырубился прямо в туннеле. Болезнь прогрессировала, а сопутствующие ей кошмары норовили слиться с реальностью, стать ее частью. Отсюда вывод: чем быстрее он отправится на поиски Академлага, тем лучше. Лучше не только для него, а и для всех остальных. Перестанет дергаться Елена, которой сейчас противопоказаны любые волнения. Спокойнее станет на станции, которая взбудоражена его хождениями во сне. В общем, слушали-постановили – отправляться в дорогу этим же утром. С Вездеходом он уже договорился, остается уломать прапора.

Необходимость действовать, как всегда, накачала Томского адреналином. Он быстро умылся, оделся и собирался выйти в вестибюль, когда дверь распахнулась сама. На пороге стоял Аршинов. Бледный и какой-то взерошенный.

– Беда, Толян. Убийство у нас.

– Кто? – выдохнул Толик.

– Мишку нашего, пацаненка кто-то задушил. Часовой ничего не видел. Его кто-то шарахнул по голове. Труп нашел только после того, как очухался.

Томский окаменел. Значит, сон его был вещим? Значит, на станцию действительно проник посторонний? Вспомнилась последняя встреча с мальчуганом. Его хитро прищуренные глаза. «Вы будете первым, кому я обо всем расскажу», – так говорил Мишка. О чем он хотел поведать? Теперь этого не узнаешь. Толик сжал кулаки, стиснул зубы.

– Хочу все сам осмотреть.

– За этим я и пришел, – вздохнул Аршинов. – Ты ведь больше других с несчастным хлопчиком общался...

Оказавшись на платформе, Толик услышал вопль. Кричала Клавдия Игоревна. Два дюжих мужика не могли оттащить ее от тела сына. Томский и Аршинов остановились в сторонке, дожидаясь, пока женщину уведут. Впрочем, как ни старался Анатолий избежать встречи с обезумевшей от горя матерью, она его заметила.

– Толя! Найди этого изверга! – закричала Клавдия Игоревна. – Найди, чтобы я могла выцарапать ему глаза! Жить ему в тьме кромешной! Сдохнуть в мучениях! Найди его! Найди!!!

Томский не удержался. Прижал руки к ушам, но все равно продолжал слышать прерываемые рыданиями вопли.

Первым пришел в себя прапор.

– Товарищи мои дорогие. Друзья! – обратился он к людям, сбившимся в толпу у места преступления. – Расходитесь, прошу вас. Мы во всем разберемся. Убийца понесет заслуженное наказание. Это говорю вам я, Аршинов!

Тихо переговариваясь, люди подчинились.

Мишка лежал, широко раскинув руки. Он выглядел бы спящим, если бы не слишком высоко запрокинутый подбородок и багровые следы пальцев на шее. Направляясь к трупу, Толик запутался в обрывке колючей проволоки и с трудом освободил ногу. Проклятый Бери-

лаг, который каждый житель станции старался забыть, как страшный сон, упорно напоминал о себе.

– Взгляни-ка сюда, – позвал Томского прапор.

Он присел на корточки рядом с бетонным столбом, лежавшим на подушке из битого кирпича. Стараясь не смотреть на мертвого мальчика, Толик подошел к Аршинову. Тот ткнул пальцем в багровое пятно неправильной формы, расплывшееся на ребре столба.

– Кровь, Толян. Кровь убийцы. Наш Мишка защищался.

Томский кивнул. Оставалось самое трудное – он все-таки должен осмотреть тело. Точнее, Мишкины руки. Возможно, парень оцарапал убийцу. Оставил на нем отметину, чтобы пусть и мертвой рукой указать на преступника.

Толик не ошибся. Под ногтями правой руки мальчугана он увидел отчетливые следы запекшейся крови. Томский еще раз взглянул на шею мальчика. Пуговица. Мишка ведь собирался носить ее на шнурке. Не успел надеть свой оберег? Или пуговицу-медальон забрал убийца?

Тело накрыли куском брезента. Обычным, скорее всего – отрезанным от палатки, которую из-за ветхости нельзя было использовать по прямому назначению. Толик собирался уйти, но никак не мог оторвать взгляда от брезента. Ему казалось, что темные пятна на нем образуют некий рисунок. Так и есть. Ухмыляющаяся рожа черта. Вот толстые губы, большие круглые глаза, кривые рога. Томский зажмурился. Когда он вновь открыл глаза, зловещий рисунок распался на отдельные, никак не связанные друг с другом фрагменты. Просто пятна и потертости. Рисунок исчез с брезента, но продолжал стоять перед мысленным взглядом Толика. Гротескный черт кого-то напоминал...

* * *

Через десять минут все руководство станции имени Че Гевары собралось в кабинете Русакова. Томский смотрел на сосредоточенные лица друзей. Вокруг стола собрались самые надежные и верные из них – Лумумба, Федор, Вездеход, его брат – Григорий Носов. От такой команды убийце не скрыться. Эти парни его из-под земли достанут.

Первым взял слово комиссар:

– Товарищи. Я говорил с людьми. По станции ползут слухи. Одни рассказывают о проклятии узника Берилага, зверски замученного охранниками. Несчастный, якобы, проклял не только своих мучителей, но и само место гибели. Другие толкуют о мутанте. Третьи вообще уверены, что убийца – оживший мертвец, которого дьявол наделил способностью быть невидимым. Люди разговаривают вполголоса и оглядываются. Остановить панику можно только одним способом – изобличить убийцу. Вижу у тебя, товарищ Томский, есть что сказать.

Толя встал. Впервые за несколько недель к нему вернулась ясность мысли.

– Нам нужно просчитать все версии. Если понадобится – влезть в шкуру преступника. Заставить себя думать, как он. Подключить темную половину подсознания, чтобы понять, что двигало этим мерзавцем. Думаю, отталкиваться следует от того, что это убийство не случайность, а тщательно спланированная акция. Что у нас есть? Версия первая: месть Красной Линии. Не имея возможности напасть на бывший Берилаг в открытую, Москвин решил взять нас измором и диверсиями. Версия вторая: убийца – одиночка, обуянный желанием мстить. Версия третья, она же – самая поганая: убил кто-то из своих. Звание узника Берилага – еще не пропуск в рай. В основной своей массе жители станции имени Че Гевары – отличные ребята. Сплоченные общей бедой, спаянные общей радостью. Но где гарантия, что среди них нет сумасшедшего или шпиона? В душу каждому не заглянешь...

– А хотелось бы, – крякнул Аршинов.

– Души оставим в покое, – продолжал Томский. – Психологию пока – тоже. Пойдем по наиболее простому пути. Мишка оцарапал убийцу. Чтобы исключить третью версию, надо осмотреть всех жителей станции.

– Дело говоришь, Анатолий, – кивнул Федор. – Думаю, люди поймут и обижаться не станут.

Оставшуюся часть совещания Томский пропустил мимо ушей. Он думал о своем вещем сне и даже не заметил, как в кабинете остался только он и Русаков. Комиссар задумчиво расхаживал из угла в угол. Потом вернулся за стол, придвинул к себе пепельницу и закурил самокрутку.

– Я, товарищ Томский, все про твою третью версию размышляю. Сдается мне, что она – самая верная. Даже история одна вспомнилась. Читал как-то. Автора уже не вспомню, но суть... Один прогрессивно мыслящий доктор умудрился отделить все хорошее в себе от плохого. Отделил. Стали в его сознании две противоположности жить. Положительный доктор Джекил и отрицательный мистер Хайд. В конце концов злая натура вытеснила добрую.

– Это ты к чему?

– К тому, что мы первые должны показать людям пример. Нас тоже должны осмотреть.

– Нас?!

– Именно, – непреклонно заявил комиссар. – Знаю, что все подозрения беспочвенны, но... Только после этого мы будем иметь моральное право искать клеймо убийцы на остальных.

– Ты прав, товарищ Русаков. И как я об этом не подумал? Первыми от подозрений должны очиститься мы...

Толя встал, собираясь расстегнуть куртку, но тут пол комнаты покачнулся, а стол, за которым сидел комиссар, накренился под углом в сорок пять градусов. Томский хотел сесть, но не успел – свет двух лампочек под потолком резанул по глазам. Чувство было такое, будто в лицо плеснули серной кислотой. Толя осел на пол. Русаков мгновенно оказался рядом.

– Что такое? Тебе плохо?

– Пожалуй, да. Совсем расклеился. Помоги дойти до кровати. Передохну минут десять...

– Давай. Вот так. Осторожно...

Комиссар подхватил Томского под мышки и дотащил до комнаты. Тряпка, смоченная водой, вновь оказалась на Толином лбу.

– Ты лежи, а я за Леной сбегаяю, – сказал Русаков, с тревогой вглядываясь в его лицо. – Не ко времени... Ох, не ко времени ты заболел.

– Не надо звать Лену... Она и так сегодня всю ночь возле меня просидела. Сам... Оклемаюсь.

Русаков вышел за дверь. Толя наконец смог остаться наедине со своими мыслями.

«Доктор Джекил. Мистер Хайд. Всю ночь просидела? Ты что, хотел выдумать себе алиби? Чушь. Когда ты проснулся, Лена крепко спала. Тысячу раз ты мог выйти из комнаты и вернуться незамеченным».

«Что за чушь лезет в голову? Какое алиби?!»

«Простое, товарищ Томский. Сон, который ты с легкостью обозначил вещим, мог и не быть сном. Разве тебе не случалось выходить ночью на платформу, а потом напрочь забывать о своих прогулках?»

Томский отбросил тряпку. Сел на кровати. Не утруждая себя расстегиванием пуговиц, стянул куртку через голову. В спешке зацепил рукой шишку, которую недавно набил.

Почему так больно? Ощупав голову, Толик обнаружил вместо шишки настоящую, еще свежую ссадину. Когда он успел грохнуться головой еще раз? Неужели... Новое, самое страшное открытие Томский сделал спустя несколько секунд. Чуть пониже ключицы на коже краснели три борозды. Раны оставили не раскаленные угли, которыми швырялся воображаемый

монстр. Нет. Это были следы ногтей. Круг замкнулся. Третья версия, как и замечание Русакова о Джекиле и Хайде, оказалась верной.

«Ты нашел убийцу, Томский. Не выходя из своей комнаты, вычислил подонка, задушившего мальчишку. Дело раскрыто, принимай поздравления».

Сколько проблем и головных болей снято в один момент. Не понадобится искать Академлаг, которого, может быть, давно не существует. Не потребуется прятать свое заболевание от людей. Все просто и ясно. Сказать людям правду и ответить за преступление. Без скидок за былые заслуги. Он убил невинного мальчишку. Этому нет никаких оправданий.

Толя собирался встать и направиться к двери, но как только поднялся с кровати, тут же рухнул на колени. На этот раз не из-за приступа. Он молотил кулаками по полу и первый раз в жизни рыдал. Призывал проклятия на свою голову, проклинал профессора Корбута, который хоть и умер, но все-таки победил. Даже находясь в аду, смог манипулировать своим бывшим пациентом. Расчленил его на натуру на две части и сделать так, чтобы темная половина владела над светлой.

Когда слезы закончились, Томский еще некоторое время лежал на полу, прислушиваясь к ноющей боли в сбитых до крови костяшках пальцев. Сможет ли он выдержать испытание презрением и ненавистью тех, кто совсем недавно в него верил? Ответить на этот вопрос Толя не мог. Он победил во многих сражениях, а сейчас проиграл битву с самим собой. Как быть? Томский встал. Поднес руки к лицу. Кисти были покрыты густым слоем спекшейся крови. Как будто багровые перчатки.

Толя закрыл глаза. Выждал несколько секунд и вновь посмотрел на руки. Галлюцинация... Да, пальцы дрожали, но крови было совсем немного. Багровые перчатки появились, чтобы напомнить о том, что отныне он относится к типу людей, о которых говорят: руки по локоть в крови.

Томский поднял глаза к потолку. Ржавый крюк, на котором была подвешена лампочка, должен был выдержать его вес. Чем не выход? Достать из брюк ремень, закрепить его на крюке, встать на табуретку и просунуть голову в петлю. Покончить разом с Джекилом и Хайдом.

Руки его коснулись пряжки ремня, но он тут же отдернул их, словно обжегшись.

«Ты даже не гэмэчел, Томский. Создания профессор Корбута, может, и не отличались покладистым характером, но и трусами тоже не были. Желаешь пойти по пути наименьшего сопротивления? Повеситься, предоставив другим расхлебывать кашу, которую заварил? Ловкач! Небось, трудно оставаться мужиком до конца? Что ж, скатертью дорожка – вешайся!»

Томский вернулся на кровать. Лег, прикрыл глаза. Как славно было бы, окажись все произошедшее сегодня кошмарным сном! Тешить себя такой надеждой не так уж и глупо. В последнее время он видел много снов. Во многих – убивал. А на поверку все оказывалось лишь кошмаром, порождением больного сознания. Что если он вновь оказался в сетях очередной чудовищной галлюцинации?

«Брось, Томский. Галлюцинация – верить в то, что эта история закончится хорошо. Ты ведь видел мертвого Мишку. Зрелище было чересчур реальным, чтобы приписать его игре воображения. До пацана можно было дотронуться. Прикоснуться так же, как к ране на твоей голове и царапинам на твоей груди. Отсюда вывод: ты конченый человек. Открывай глаза, вставай и вали сдаваться!»

Томский услышал скрип двери. Легкие шаги жены. Лена присела на кровать. Теплая рука, коснулась Толиной щеки. Он открыл глаза. Вымученно улыбнулся.

– Русаков сказал, что у тебя был приступ... Теперь лучше?

Продолжая улыбаться, Толя покачал головой:

– Хуже, девочка. Лучше мне уже не станет. Никогда.

– Что за чушь ты несешь? – возмутилась Лена. – Опять хочешь меня напугать?

Томский привстал и крепко обнял жену.

– Пришла настоящая беда. Нам надо попроситься.

– Ты опять уходишь? Оставляешь меня?

– Можно сказать и так, – Толя бережно коснулся ладонями подбородка жены, приподнял его и поцеловал Елену. – Когда ты все узнаешь, я буду очень далеко. Это все, что я могу сказать. Мне пора.

Томский снял руки жены со своих плеч и встал.

– Прости меня, Лен. Я был не слишком хорошим мужем.

У двери Толя обернулся. Он хотел запомнить Лену такой, как сейчас. До того, когда она все узнает. Глаза жены были широко раскрыты от удивления, губы шевелились. Она силилась что-то сказать. Толик поспешил выйти, чтобы не слышать слов, которые могли бы сделать его слабым. Выбить почву из-под ног в самый ответственный момент.

Русаков был у себя. Один, что очень обрадовало Толика. Он хотел сделать признание без посторонних. Так, чтобы комиссар не принял откровение за шутку.

«Без посторонних? А разве в этом кабинете собирались посторонние? Сюда приходили те, кого ты считал своими лучшими друзьями. А теперь у тебя больше нет друзей. Отныне и навсегда посторонними для тебя будут все. И ты – для всех...»

Увидев Томского, комиссар улыбнулся:

– Ну вот. Не скажу, что выглядишь огурцом, но смотришься вполне сносно. Знаешь, товарищ Томский, когда все закончится, я покажу тебя одному врачу. Говорят, что он без всяких лекарств творит чудеса. Обязательно поставит тебя на ноги.

– Все уже закончилось. Мистер Хайд не нуждается в помощи доктора Джекила, – глухо ответил Толик. – Ты, товарищ Русаков, был абсолютно прав насчет клетки. Она понадобилась нам даже раньше, чем ты предполагал.

– Гм. Ты... вычислил убийцу?

– Да, – Томский рванул ворот куртки. На пол посыпались пуговицы, лопнула ткань. – Убийца перед тобой, комиссар.

Глава 5

Клетка

Лишь когда выключили большинство лампочек и платформу осветило лишь дежурное освещение, Томский вздохнул с облегчением. Яркий свет резал глаза, вызывая прилив крови к голове. Пульсирующие удары в висках мешали думать. Не позволяли сосредоточиться на какой-то конкретной мысли. Теперь стало значительно легче.

Весь остаток дня Толик просидел на корточках в углу клетки. Впрочем «угол» был здесь понятием абстрактным – клетка стояла в центре платформы. Куда бы ни приткнулся узник, он все равно был на виду.

Решившись наконец сменить позу, Томский застонал – ноги затекли, превратившись в деревянные колоды. Прошло несколько минут, прежде чем их удалось выпрямить.

Неподалеку от клетки сидел часовой. Новый, незнакомый парень. Его волосы, остриженные еще в Бериллаге, не успели отрасти. Может, из-за этого, а может, из-за мягких, почти женственных черт лица он выглядел очень незащищенно, даже с автоматом в руках. Арестантские брюки ему удалось сменить на поношенные, но еще крепкие хаки военного покроя с накладными карманами на коленях. А вот новую куртку парень получить не успел – так и щеголял в полосатой арестантской робе. Толя даже видел светлый прямоугольничек оторванной нашивки с номером узника концлагеря. Ничего. У него все впереди. Одежда – дело наживное.

Часовому очень хотелось спать. Он то и дело начинал клевать носом, опускал отяжелевшие веки, но потом резко вскидывал голову и смотрел на Томского. Наверное, считал, что герой-освободитель, с легкостью переквалифицировавшийся в жестокого убийцу, способен выкинуть любой номер.

«Не бойсь, паря. Я исчерпал список своих номеров. Не сбегу, потому как бежать мне некуда. Не способен я больше на фокусы. Если ты думаешь, что в клетке сидит Анатолий Томский, то очень ошибаешься. Перед тобой только его оболочка. Видимость. Человека больше нет».

Часовой словно услышал мысли Толика. Поставил автомат между колен, прислонился к нему щекой, закрыл глаза и засопел. Этот звук окончательно вернул Томскому душевное равновесие, если в его положении вообще можно было вести речь о каком-то равновесии.

И все же самое трудное осталось позади. Пятнадцать минут, которые ушли на то, чтобы спуститься из вестибюля и пройти через платформу, показались Толе вечностью. Он шел к клетке в сопровождении Русакова и Аршинова. Причем оба выглядели так, словно были виноваты не меньше Томского.

Поначалу жители станции не поняли, в чем дело. Даже несмотря на то, что Толя специально, напоказ, заложил руки за спину. Лишь когда он вошел в клетку, а комиссар запер решетчатую дверь на навесной замок, по платформе прокатился глухой ропот.

Томский занял свое место в углу. Опустил голову на колени, чтобы не встречать ни сочувственных, ни враждебных взглядов. Самыми тяжелыми оказались несколько первых минут. До ушей доносились обрывки сказанных полупшепотом фраз. Отдельные слова. Томский. Мальчик. Убийство.

Когда люди вернулись к работе и разговоры заглушили удары ломов, стало значительно легче. Прошел день. На ночь клетке приставили часового. Томский знал, что это произойдет, но появление человека с автоматом все равно стало для него событием.

Из клетки хорошо просматривалось место, где утром лежал мертвый Мишка. Глядя туда, Томский сделал важное открытие. Именно там, в своем видении, он встретился с Желтым. Там догорал разожженный монстром костер.

«Ничего удивительного. Ведь ты, Толян, и Желтый – одно и то же. Ты выдумал этого монстра, чтобы переложить на него собственную вину. Где ж ему еще сидеть, как на месте убийства мальчика?»

Да, все сходится. И все-таки... Желтый – не совсем его выдумка. Первым о нем сказал долговязый часовой.

Толик напряг память, пытаясь очистить ее от шелухи галлюцинаций. Вспомнить, как все было на самом деле. Не смог. Разум раз за разом наткнулся на глухую стену. Сложенная из кирпичей реальности, она была скреплена цементом сумасшествия. То, что Томский хотел увидеть, находилось по ту сторону стены. Слишком длинной, чтобы ее обойти, чересчур высокой, чтобы перелезть, и очень уж прочной, чтобы пробить.

Толик продолжал смотреть на место убийства. Он вглядывался так напряженно, что, несмотря на полумрак, уже различал осколки кирпичей и обрывок колючей проволоки, в котором запутался утром. Там ничего не изменилось... Стоп! Откуда взялся кусок брезента? Почему он топорщится так, словно под ним что-то есть?

Томский встал, подошел к решетке. Теперь он отчетливо видел багровые пятна, проступавшие на брезенте. Разве тело Мишки не унесли? Кто додумался оставить труп, прикрыв его брезентом?

«Чушь. Не увливай, не ищи для себя лазейку. Тело мальчика убрали еще днем и уже наверняка похоронили».

Довод звучал вполне убедительно, но не смотреть на брезент Томский уже не мог. Ему казалось, что под ним что-то шевелится. Обман зрения? Нет. Существо, которое пряталось под брезентом, уже ползло к клетке. Оно больше не пыталось оставаться незамеченным.

– Эй, парень, проснись! – крикнул Анатолий часовому. – Посмотри на это...

Часовой продолжал мирно посапывать. Прикрытый брезентом монстр подполз к клетке. Рука в желтой перчатке вцепилась в стальной прут. Стрежень в добрых три сантиметра диаметром начал изгибаться. Еще немного, и расстояние между прутьями станет достаточно большим, чтобы чудовище могло протиснуться в клетку. Продолжая наблюдать за желтой рукой, Толик пятился в дальний угол. Монстр разжал пальцы. Выпустил прут и встал во весь рост. Брезент с шуршанием упал на платформу. Толик ожидал увидеть старого знакомого, но вместо него у решетки стояла... Клавдия Игоревна. Глаза ее пылали ненавистью и безумием. Смерть сына вновь превратила женщину в Мамочку – легендарное страшилище Метро, героиню жутких баек.

Она просунула руки через прутья.

– Ближе, Томский. Подойди ближе, убийца! – шипела Мамочка. – Я обещала выцарапать тебе глаза и сделаю это. Не пытайся забиться в угол. Иди сюда!

Толик пытался остаться на месте, но ноги ему не повиновались. Он двинулся навстречу Мамочке. Шаг. Еще один.

– Эй, ты чего?! Назад! Назад, я сказал!

Из состояния транса Толика вывел часовой, который наконец соизволил проснуться. Он схватил Клавдию Игоревну за плечо, пытаясь оттащить от клетки. Ответная реакция была молниеносной – Мамочка ударила парня кулаком в подбородок. Часовой крикнул и приземлился на задницу. Пока он изумленно хлопал глазами, женщина вновь просунула руки сквозь прутья. Правда, теперь огоньки безумия в глазах ее потухли. Исчезла и ненависть.

– Толя... Ах, Толя...

Клавдия Игоревна опустила руки. Уткнулась лбом в прут решетки, сползла по нему вниз и застыла.

– Часовой, черт бы тебя побрал! – рявкнул Томский, забыв о том, что он арестант. – Хватит сидеть! Помоги! Разве не видишь? Ей плохо!

Парень повиновался. Подбежал к Клавдии Игоревне, коснулся пальцами ее шеи.

- Она умерла!
- Что?!
- Умерла, я говорю...

Томский застонал. Теперь на его совести было две смерти. Впрочем, вновь погрузиться в бездну отчаяния ему мешала одна деталь... Кусок брезента с пятнами крови бесследно исчез.

Сны и реальность вновь переплелись. Так тесно, что отделить их было невозможно. Умерла ли Клавдия Игоревна на самом деле или это был очередной кошмар?

По ушам резанул металлический лязг. Часовой зачем-то отпирал клетку.

– Выходи, Томский!

– Зачем?

– Затем, что смерть стала твоим неизменным спутником. Разве ты не считаешь, что пора это остановить?

Толик посмотрел на часового. На нем по-прежнему был наряд из штанов цвета хаки и полосатой робы. А вот лицо разительно изменилось. Вместо глаз поблескивали круглые стекла противогаза, а его гофрированный хобот вырастал прямо из лица. Фиолетовые губы кривила язвительная усмешка.

– Опять ты? – сил на гнев у Томского уже не было, и он просто вздохнул. – Тебе нравится надо мною издеваться?

Рука в желтой перчатке стиснула локоть Толика. Монстр потянул его за собой.

– Сидя в клетке ничего не добьешься. Не пора смотаться в Академлаг?

– Это место существует?

– Скажу больше: оно совсем рядом. Рукой подать.

– Не может быть. Академлаг – легенда.

– Метро-2 – тоже почти легенда. А ведь тебе довелось в нем бывать.

Аргумент Желтого был весьма весомым. Толик замешкался с ответом. Чудище продолжало тащить его за собой. Туда, где нашли труп Мишки.

В мире иллюзий, порожденным больным воображением, это место было чем-то вроде центра, вокруг которого вертелся хоровод видений. Точкой, где пересекались сны и явь. Оно обладало особой аурой и могло видоизменяться. Теперь на месте затухающего костра зияла огромная дыра в форме пятиконечной звезды. «Пятерка», как сказал Берзин.

Толик собирался остановиться на краю провала и лишь заглянуть вниз, но Желтый столкнул его тычком в спину. Падение длилось недолго, а удар о дно ямы был не слишком болезненным. Томский сразу выпрямился во весь рост.

Он оказался в огромном помещении. Дыра в потолке исчезла. Теперь там горело множество ламп без плафонов, подвешенных к потолку. Цемент с оштукатуренных стен частично осыпался, обнажив кладку из красного кирпича. Стены были увешаны анатомическими плакатами. На одних изображался мозг человека в самых разных ракурсах и разрезах, другие показывали строение центральной нервной системы. Кроваво-красные линии нервов были испещрены кружками, нанесенными от руки.

Разнообразие в череду рисунков из анатомического атласа вносил большой плакат, изображавший толстомордого мужчину с наглыми, прикрытыми стеклами круглых очков, глазами. Надпись под плакатом подтверждала то, о чем уже догадался Томский:

Суровой чести верный рыцарь,
Народом Берия любим,
Отчизна славная гордится
Бесстрашным маршалом своим!

Конечно же, Лаврентий Берия. Создатель Академлага. Черный гений сталинской эпохи. Идол, падение которого стало смертным приговором для жителей подземного научного городка. Но где же тела или, на худой конец, скелеты? Берзин ведь говорил об отравлении «Циклоном Б». Пока Толик видел лишь ряды пустых кроватей с голыми панцирными сетками. Они занимали всю площадь зала. Лишь у стен было оставлено место для столов, на которых поблескивали стеклянные бока колб, реторт и пробирок, да в центре, на пяточке диаметром в пять метров, возвышалось что-то вроде барокамеры, обвешанной проводами, датчиками и латунными обручами, точно новогодняя елка. Толик вдруг понял, что видит увеличенную во много раз копию лаборатории профессора Корбута на Лубянке.

Как только его осенила эта догадка, Академлаг начал наполняться звуками. Сначала раздалось бульканье жидкости. Потом – нестройный хор голосов. Из цементного пола один за другим, как диковинные грибы, выростали штативы с закрепленными на верхушках бутылками. Теперь на каждой кровати лежали обнаженные до пояса люди, а у столов суетились лаборанты в белых халатах. Когда один из них направился к кровати и принялся втыкать иглу в вену пациента, Томский узнал профессора Корбута.

– А-а, вот и ты! Давненько не заглядывал ко мне на огонек. Совсем забыл старика. Нехорошо!

Анатолий никак не мог поверить в то, что профессор обращается к нему. Он ведь даже не поднял головы! Следующая фраза Корбута рассеяла все сомнения:

– Томский, Томский! Разве ты не знаешь, что все дороги ведут в Рим? В твоём случае они ведут ко мне. Пора бы сообразить, что бегать бесполезно. Курс лечения начат, и без его завершения ты будешь... как бы это подходчивее выразиться... Ни рыбой, как говаривали в старые добрые времена, ни мясом. Твое счастье, парень, что папаша Корбут не злопамятен. Кто старое помянет, тому голову долой.

Профессор, наконец, закончил свое дело, поднял глаза на Томского. Улыбнулся почти по-отечески. И вдруг резким движением вскинул руку. Пальцы вцепились в седую шевелюру, и Корбут снял свою голову, словно шапку. Держа ее в одной руке, второй профессор, словно перчатку, стянул с головы кожу и небрежно швырнул мерзкий комок на пол. Тонкие пальцы Корбута обхватили верхушку оголенного черепа. Несколько поворотов по часовой стрелке, и верхняя часть черепа тоже шлепнулась на пол. Обнажился розовый, покрытый синими и серыми прожилками пульсирующий мозг. Рывок – и он подлетел вверх, но не упал, а завис в воздухе.

– Полюбуйся-ка на это! – звенящий голос профессора заполнил огромный зал. – Все гениальное просто!

В руке безголового Корбута сверкнул скальпель, одним ударом разрубив мозг на два полушария. Внутри одно из них оказалось, как и положено, красновато-серым, а вот второе – черным.

– Да-да, Анатолий. Это то, о чем ты думаешь. Первую часть мы найдем у любого придурка в Метро. Вторую можно увидеть только у сверхлюдей, созданных мною.

– Гэмэчелов, – прошептал Томский, не в силах оторваться от жуткого зрелища.

– Грубо, Анатолий, – профессор вновь обрел человеческий облик, а его наглядное пособие бесследно исчезло. – Грубо, но по существу. Не я выдумал это название, но так уж вышло, что оно приклеилось к моим деткам. Сейчас, мой друг, ты находишься в подвешенном состоянии. Страдаешь. Терзаешься поисками себя. Вообрази, что произойдет, если два полушария твоего мозга станут такими, как нужно! Джекил и Хайд вновь сольются воедино. Ты наконец-то определишься и не станешь рыдать, будто нашкодивший ребенок. Так как насчет завершения процесса? Я тебя убедил? Тогда прошу в кроватку!

– Н-не-не-ет!!! Я не хочу!

Анатолий хотел развернуться и бежать, но ноги его приросли к полу. Ближайшая койка с хищным полязгиванием начала удлиняться. В считанные секунды она дотянулась до Толика, врезалась ему в колени. От удара Томский рухнул на голую панцирную сетку и увидел склонившегося над ним профессора.

– Через «не хочу», дружок, через «не хочу»...

Сверкнула игла, присоединенная к трубке капельницы. Толик схватил готовую прозрачную змею, попытался оборвать капельницу. Не вышло. И не удивительно – вместо гибкой трубки он сжимал стальной прут решетки.

Кошмар закончился. Томский стоял у стенки клетки, а часовой протягивал ему свернутое в рулон одеяло.

– Это вам жена передала. И то правда. Какое удовольствие валяться на голых плитах?

Толик взял одеяло. Благодарно кивнул парню. Приятно, что Елена о нем не забывала. Коробило лишь одно – она не пришла сама.

Томский расстелил одеяло, лег. Едва коснулся щекой шерсти, как тут же отдернул голову. Одеяло насквозь пропитал запах дома, Елены и прошлой жизни. Вдыхать этот аромат было сущей пыткой. К горлу подкатил ком, глаза увлажнились. Томский вскочил. Перенес одеяло в угол и сел, прислонившись спиной к прутьям. Закрыв глаза. Странное дело – он чувствовал, что сейчас может уснуть, не рискуя провалиться в пучину нового кошмара. Старое, изъеденное молью, сплошь покрытое заплатками солдатское одеяло защищало от вторжения в мозг чего-то инородного. Оно было... Вроде амулета, посланного добрым волшебником. Чудесного ковра-самолета, способного унести своего ездока в страну безоблачных грез. Засыпая, Толик успел улыбнуться своим мыслям. Не существует доброго волшебника, который может помочь ему. Все пути, ведущие в сказочную страну, отрезаны, все мосты – сожжены. И все-таки...

Томский почувствовал на плече тяжесть. Приятную, необременительную. Левая рука сжимала гладкий эбеновый гриф скрипки, правая – смычок. Толик раскрыл глаза. Он снова был семилетним мальчишкой, учеником музыкальной школы. Под ногами был паркет. Старательно натертый, он блестел в лучах солнца, пробившего себе узкую дорожку от щели в портьерах до коричневых босоножек мальчика-скрипача. Над этой дорожкой кружились пылинки. Движение их не было беспорядочным – хоровод солнечных пылинок строго подчинялся незатейливой мелодии, возникавшей от соприкосновения смычка со струнами. К игре внимательно прислушивались развешанные по стенам портреты знаменитых музыкантов. Мастерство маленького скрипача оценивал рояль – черный однокрылый зверюга, опирающийся на три резных ноги.

Если он не сфальшивит, то, доиграв до конца, получит пропуск в сказочную страну и двинется по солнечной дорожке наверх, к самым облакам. Метро останется просто страшным сном. А там, за белыми как молоко облаками, в стране, жители которой не болеют и не умирают, его будут ждать папа и мама. И потянутся бесконечные, наполненные тихой радостью дни. Изумрудные долины, реки с хрустально-прозрачными водами и люди с повадками птиц. Детство будет длиться веками, а единственной вещью, напоминающей о земной жизни, будет скрипка.

Смычок скользнул по струнам в последний раз. Толик сыграл без единой ошибки. Сделал первый шаг по солнечной дорожке. Замер. Все было складно, за исключением одного: он не помнил лиц родителей. Как ни напрягался, в памяти возникали не образы, а какие-то расплывчатые пятна. А между тем солнечная дорожка не собиралась дожидаться путника – она таяла, исчезала прямо на глазах. Паркет потускнел, стали видны потертости на стыках плашек. Через щель между портьерами в комнату вползали сумерки. Лица на портретах сделались неразличимыми.

Все. Он упустил свой шанс и навеки останется в комнате наедине с чудищем-роялем. И это в лучшем случае. А в худшем... От громкого хлопка мальчик подпрыгнул. Он не сразу

сообразил, что захлопнулась крышка рояля. А когда понял, поводов для беспокойства прибавилось. Треснуло и рассыпалось на осколки оконное стекло. Ночной ветер взметнул занавески. Толик уронил смычок. С жалобным стоном ударилась о пол скрипка. Мальчик бросился к двери, слыша за спиной хруст битого стекла. Кто-то лез через окно с единственной целью – забрать несчастного скрипача в темноту. Толик дергал за ручку, но дверь не открывалась. Оставалось лишь обернуться и встретиться взглядом с посланцем мрака, услышать приглашение, которое будет сделано замогильным голосом. Толик действительно услышал голос. Правда, не тот, что ожидал.

– Томский! – тихо позвал Аршинов. – Эй, Томский, хватит дрыхнуть!

Глава 6

Шутер

Ковер-самолет, унесший Толю в прошлое, вернулся в клетку. Томский увидел прапора, который возился с замком клетки. Он пригнулся, втянул голову в плечи и с вороватым видом оглядывался по сторонам. Лицо Аршинова в тусклом свете ламп дежурного освещения было бледным, как у мертвеца. Дверь распахнулась. Прапор вошел в клетку.

– Насилу тебя добудился, Толян.

– Что случилось?! – за последнее время Томский так привык к плохим новостям, что ночное появление Лёхи не на шутку его взволновало. – Что произошло?!

– Да не реви ты будто белый медведь в теплую погоду! – прапор швырнул к ногам Толика какой-то рулон. – Ничего и ни с кем не случилось. Кроме тебя...

Томский встал. Ткнул пальцем в рулон.

– Что это?

– Защитный костюм, знамо дело. Через ворота нас не пропустят. По поверхности уходить сподручнее. Надевай, не рви мне душу!

– Куда уходить? Зачем?

– Там видно будет, – буркнул Аршинов. – Выберемся и все обсудим.

– Я под арестом!

– Плюнь и разотри. Ты мне не тигр, а здесь не зоопарк. Развалился, видишь ли, в клетке! Не стыдно?

– Не стыдно, это раз, – ударом ноги Толик отшвырнул защитный костюм. – Никуда я не пойду, это два.

– Сейчас схлопочешь в рыло, это три! – яростно зашептал прапор. – Мы мучаемся, снаряжение готовим, часового пеленаем, а он становится в позу! Не закатывай истерик, Толян. Надо идти, пока нас не заметили.

«Часового пеленаем?! Нас?!» Томский взглянул вверх плеча Аршинова и увидел Вездехода. Тот сидел на какой-то темной груди и деловито копошился в своем вещмешке. Темной грудой оказался связанный по рукам и ногам часовой. Из рта его торчал кляп, а в глазах читалась покорность злодейке-судьбе. На Вездеходе был специально перешитый под него защитный костюм, на боку висела противогазная сумка. И так, друзья решили его освободить и куда-то идти. Куда?

– Тут до Партизанской рукой подать. Можно, конечно, и на Черкизовскую, но на Партизанской потише будет – станция-то нежилая, – произнес Алексей, словно угадав мысли Толика. – А уж с Партизанской опять в Метро нырнем. Одевайся, Томский. Не испытывай мое терпение.

Тут из темноты вынырнул Григорий Носов. Вслед за ним в клетку впрыгнула Шестера. Первым дело ласка обнюхала защитный костюм на полу. Потом подняла мордочку и внимательно посмотрела на Томского, словно интересуясь: «Ну и чего встал столбом?».

– Все нормально, – сообщил Гриша. – Можете выдвигаться. Только в шахте поаккуратнее – костюмы не порвите. Вещмешки и оружие я вам сверху опущу.

– А раз нормально, чего такой насупленный? – спросил Аршинов.

– Воспоминания, – вздохнул карлик. – Доводилось мне в этой шахте во времена Корбута сиживать.

Томский все еще пребывал в нерешительности. Ему очень хотелось натянуть защитный костюм, повесить на плечо «калаш» и пуститься на поиски новых приключений. Держало сознание того, что, согласившись с Аршиновым, он станет не просто преступником, а преступником беглым.

Толик вернулся в свой угол, сел.

– Спасибо вам, ребятки. За все спасибо. Но куда я не пойду. Не имею права.

– А мои седые волосы имеешь право позорить?! – зашипел Аршинов. – Обвинили цацу, а он и лапы кверху. Я с тобой, Толян, не на прогулку иду. И если ты согласен душегубом зваться, о дружках-товарищах не забывай. Я, Коля и Гришка тоже за все в ответе. Не один пуд соли вместе с тобой съели. Вместе и реабилитироваться будем!

– Реабилитироваться? – Томский невесело улыбнулся. – Слово-то какое... Нет мне реабилитации, Лёха.

– Это мы еще посмотрим! Если сиднем сидеть будешь, то конечно. Разбираться нам надо, Толян, со всей этой хренотенью. Понять, кто и зачем тебя подставил.

– Подставил?

– Ох, Томский! Не лыбься, как бедная вдова, которой на свете ничего уже не мило. Да, подставил. Зуб даю!

Томский заколебался. А что если прапор прав? Вокруг этой истории столько всего напутано. Сны и явь. Реальные люди и призраки. Хайды и Джекилы. А тут еще Партизанская. На нее направлял Берзин. Ее выбрал Аршинов. Просто наваждение какое-то. Может, она и правда станет отправной точкой в поисках ответов?

– А Русаков?

– Куда он денется? Поймет и простит, – ухмыльнулся Аршинов. – Порычит, конечно, для порядку, но смирится.

Толик встал, поднял костюм.

– Хорошо. У меня только одно условие. На станцию я больше не вернусь.

– Уже лучше, – прапор вытащил из кармана фляжку, отвинтил крышку. – Хлебни, Толян, а я посмотрю, осталось ли в тебе хоть что-нибудь от прежнего Томского.

Самогон оказался очень крепким. Впрочем, другого Аршинов и не признавал. Нельзя сказать, чтобы три внушительных глотка привели Толика в отличное настроение, но из полного ступора выйти помогли.

На выходе из клетки Томского встретил Вездеход. Пожал руку и сообщил:

– Шестера пойдет с нами. Она поможет держать связь с Гришей. Выше голову, Толян! Мы ведь не привыкли возвращаться из путешествий с пустыми руками. Думаю, что и на этот раз не подкачаем.

Томский не знал, что ценного он собирается добыть на этот раз, но кивнул карлику. Пригибаясь, чтобы попасться на глаза часовым в другом конце платформы, четверка добралась до раскрытого люка шахты. Кирпичи, которыми завалили люк после освобождения Берилага, теперь лежали в стороне рядом со снаряжением. Первым в шахту нырнул Аршинов. Толик спустился вслед за ним. Упираясь ногами и плечами в скользкие от сырости, покрытые хлопьями ржавчины стены, он добрался до бокового люка. Дальше пришлось ползти по горизонтальной трубе квадратного сечения. Здесь Томский сделал короткую передышку. Давненько же ему не приходилось оказываться в таком тесном замкнутом пространстве. Если бы не подошвы ботинок прапора, мелькавшие впереди, место это выглядело бы идеальной ловушкой. Но вот ноги Аршинова исчезли. По всей видимости, прапорщик перебрался в последний, вертикальный изгиб шахты. Толик собирался ползти вперед, и тут его щеки что-то коснулось. Мягкое, покрытое шерстью. Томский с трудом подавил крик. Сердце подпрыгнуло к горлу. Паук! Эта тварь забралась сюда с поверхности. Свила себе гнездо и преспокойно дожидалась добычи. А у него, как на грех, нет никакого оружия!

– Эй, Толян, принимай пожитки! – послышался сзади голос Вездехода.

Томский перевел дух. Он сделался дерганым до такой степени, что испугался Шестеры – а ведь его предупредили, что зверька они берут с собой!

В вертикальной шахте уже болталась веревка, которую Аршинов успел спустить сверху. Следующие полчаса ушел на подъем снаряжения и оружия. В одном из мешков Томский нашупал цилиндры динамитных шашек – Аршинов не забыл о своем коронном способе решения всех проблем. Автоматы он тоже подобрал со вкусом – почти новые, каждый с подствольным гранатометом.

Прапор помог Толику выбраться на поверхность. Он уже успел натянуть противогаз. Томский незамедлительно последовал его примеру.

– Толян, тебе-то зачем?

– Я человек, а не гэмэчел! – вырвалось у Анатолия.

Аршинова он в этом убеждал – или себя?..

Последним шахту покинули Вездеход и обвившая его шею Шестера. Разобрали вещмешки и оружие. Только после этого Томский вспомнил, что он уже не в Метро, и осмотрелся. Свет включенного Аршиновым фонаря выхватил из темноты остовы домов, фрагмент улицы, заваленной искореженным металлом, битым кирпичом и кусками бетона. Имелась и хорошая новость: нагромождения мусора пересекали две колеи – следы гусениц «Терминатора». Часть пути можно было пройти по ним.

Ночь выдалась безветренной. Луна на этот раз не спешила встретить гостей, и когда прапор погасил свет, пришлось дожидаться, пока глаза привыкнут к темноте. Через пару минут Аршинов поднял руку, и маленький отряд двинулся вперед.

* * *

Как и ожидалось, лучше всех себя чувствовала Шестера. Шустрый мутант то обгонял шагавшего впереди прапора, то вился у ног Вездехода, то подбегал к Толику, который замыкал шествие.

Томский улыбнулся. Он мог считать себя следующим по степени хорошего самочувствия. Что ни говори, а разрушенный, наводненный мерзкой живностью город был на порядок опаснее Метро. Здесь его перестанут доносить вымышленные страхи. Их вытеснят реальные угрозы.

Мегаполис спал. Мертвецам тоже требуется отдых. Днем у неживой-немертвой клоаки, которая когда-то называлась Москвой, слишком много забот. Накормить и приютить мутантов. Поднять в воздух облака радиоактивной пыли и продолжить разрушение построек, начатое накануне. Ночь же, особенно такая безлунная – для отдыха. Все стихает. Движение замирает.

Толик вслушался в темноту. Все так. Даже звуки, свойственные брошенному городу, днем были какими-то вялыми и бесцветными. Какие-то скрипы, невнятные шорохи, которые успешно заглушал хруст кирпичного крошева под ногами. Томский почти уверился в том, что до Партизанской они доберутся без приключений, когда по ушам резанул протяжный вой. Аршинов вскинул вверх правую руку, подавая сигнал к остановке. Вой повторился. Теперь можно было различить его источник – существо, заявлявшее свои права на эту территорию, пряталось внутри руин одноэтажного здания. Часть его фасада чудом сохранилась. На осколке витринного стекла, напоминавшего изогнутый клык, желтели буквы «Ц» и «В».

Цветы. Толик смутно помнил, что во времена его детства маленькие цветочные магазины были разбросаны по всей Москве. Теперь один из них стал логовом мутанта, который явно не собирался выходить навстречу людям с букетом.

Прошла минута, другая. Ни звука, ни намек на движения. Аршинов начал обходить опасное место, направив ствол автомата в темень, таящую угрозу. Осторожная Шестера поспешила запрыгнуть на плечо Вездеходу.

Томский не сводил взгляд с букв. С недавних пор желтый цвет вызывал у него отвращение. Выть мог и обычный мутант, и старый знакомый – существо с растущим из лица хоботом противогаза. Кто знает?

Тем не менее, группе удалось благополучно пройти мимо руин цветочного магазина. И тут Анатолий увидел его. Мутант был всего в десятке метров от Аршинова, но прапор ничего не заметил. Наверное, потому, что монстр не двигался. Замер, подпуская жертву поближе. Породу этого существа Томский определить не мог. Массивная голова, ошерившаяся острыми шипами шея и щупальца. Они росли из туловища монстра, нарушая законы симметрии. Три с одной стороны и одно, неподвижно висевшее там, где собирался пройти Аршинов.

Еще мгновение, и оно схватит прапора. Толик вскинул «калаш».

– Лёха, берегись!

Аршинов услышал приглушенный противогазом крик, отпрянул назад, зацепил что-то ногой и упал. Это спасло ему жизнь. Раздался негромкий хлопок. Пуля выбила фонтанчик бетонной пыли из плиты, которую Томский принял за живое существо. Причудливо обгрызенная непогодами, вздыбившаяся у дороги, как одинокая скала, плита действительно походила на монстра. Только вместо щупалец у нее были куски арматуры. Грохнул новый выстрел. Толя прыгнул на замешкавшегося карлика, сбил его с ног.

Прапор перекатился на спину.

– Откуда стреляли?

Он обращался к Томскому, не подозревая о том, что тот забил тревогу вовсе не из-за стрелка. Тем не менее ответ был получен. Пуля взрыла асфальт в метре от Толиной руки. Прапор ответил короткой очередью, явно выпущенной наугад. Ясно было лишь одно – палили сзади. Томскому показалось, что он видит какое-то движение у стены цветочного магазина. Впрочем, особой уверенности не было – мешали запотевшие стекла противогаса. Тем более, что движущийся объект показался Толику желтым – возможно, это были злополучные буквы.

Новый выстрел. Пуля опять врезалась в плиту-чудище. Прапор выпустил очередь в темноту.

– Метко лупит, сволочь! Скоро пристреляется. Надо менять позицию.

Ближайшим укрытием могли послужить остатки фундамента какого-то здания и фрагмент сохранившейся кирпичной стены. До них было метров двадцать открытого пространства.

Томский принял решение. Передвинул флажок предохранителя гранатомета в боевое положение, излюбленным приемом уперся плечом в пистолетную рукоятку «калаша».

– Как бабахну – бегите. Потом меня прикроете.

Толик прицелился туда, где, как ему казалось, заметил стрелка, и надавил на спуск. Выстрел. Оранжевая вспышка. Взрыв поднял клубы дыма. Томский услышал хруст битого кирпича под ногами бегущих друзей. На всякий случай выпустил в темноту пару очередей. Как только затрещали «калаши» Аршинова и Вездехода, ринулся к спасительному фундаменту сам. Перевалился через него, ударился грудью о выступающий из земли осколок бетона, крикнув от боли. Выжидая, пока отпустит, протер стекла противогаса.

Теперь, оказавшись в безопасности, следовало отыскать стрелка. Однако тот будто нарочно не давал о себе знать. Выждав минут десять, Аршинов перебрался за стену. Встал в полный рост.

– Не по душе мне это. Слишком уж тихо. Или ты, Толян, накрыл этого сучонка, или он выжидает, пока кто-нибудь из нас высунется.

Еще десять минут прошли в томительном ожидании. Никого и ничего. Группа оказалась на распутье. Продолжать путь, оставив за спиной снайпера, было бы самоубийством. С другой стороны, не менее глупо было дожидаться, пока стрелок соизволит себя обнаружить. Анатолий прошмыгнул к прапору. Через минуту к ним присоединился Вездеход.

– Ну, че, братцы? – Аршинов яростно пнул ногой стену. – Что постановит военный совет? Утра дожидаться будем, или как?

– Или как! – карлик сбросил на землю тяжелый вещмешок и вытащил из своей непрменной сумочки резиновую трубку. – Я его найду.

Выполнить свое намерение Вездеход не успел. Раздался сдавленный крик. Несомненно, человеческий. Толик высунулся из укрытия. Взгляд сразу уперся в желтое пятно. На этот раз ошибиться было невозможно. Рядом с плитой-монстром стоял человек в желтом костюме химзащиты. В его позе было что-то странное. Он не пытался прятаться, а будто отдыхал, прислонившись к плите спиной.

Желтый? Проводник по миру кошмарных видений? Томский вернулся в укрытие, уступив место наблюдения прапору. Пусть разбирается сам. Если Желтый у плиты – не больше, чем галлюцинация, Лёха ничего не скажет, а если...

– Сдается мне, что это и есть наш снайпер, – сообщил прапор. – Скажу больше: с ним что-то случилось.

Не галлюцинация. У Толи свалилась гора с плеч. Bravo! Труд сделал из обезьяны человека, а хорошая взбучка поможет превратить полугэмэчела Томского в нормального мужика.

– Не двигается, – продолжал Аршинов. – Даже не шелохнется, гад. Надо бы посмотреть на этого Вильгельма Телля вблизи. Пойдем, что ли?

Толик обернулся к карлику. Тот сосредоточенно рылся в сумке, явно расстроенный тем, что не пришлось пустить в ход свою трубку.

– Вездеход, мы сами посмотрим, что да как. А ты пока держи этого орла на мушке. Пулю ему между глаз, если дернется.

– Угу. Сделаем. С превеликим удовольствием.

Томский и Аршинов покинули укрытие и стали медленно приближаться к плите. Прапор включил фонарик, и конус света уперся в человека. Он не отдыхал и, вопреки наблюдениям издали, двигался. Подергивалась рука. Чуть заметно раскачивалась голова. Парень доживал последние минуты – из его груди торчал мокрый от крови арматурный штырь. Щупальце чудища все-таки отыскало себе жертву.

У ног умирающего лежал винтовка с бережно обернутым мешковиной стволом. Толику доводилось видеть такие в Полисе и даже держать в руках. Эсвэдэ. Отличное оружие с оптическим прицелом, который позволяет поражать цель даже в темноте – прицельная сетка становилась видна, стоило включить специальную подсветку.

На всякий случай Аршинов отшвырнул оружие в сторону ударом ноги. Скривился:

– М-да. А нашему другу-то ничем не поможешь. Он, вишь, уже ангелов слушает.

С этими словами прапор сдернул со стрелка противогаз.

Более отвратительного лица Томскому видеть не доводилось. Низкий лоб, неестественно выпуклые надбровные дуги, сплюснутый, скорее всего от удара, нос, плотно прижатые к черепу уши и полное отсутствие растительности, даже бровей производили отталкивающее впечатление. Вдобавок ко всему правую щеку неизвестного украшала татуировка в виде паутины.

В свете фонаря блестели капельки пота, усеивавшие бледную, как мел, кожу. И губы. Узкие, фиолетового цвета, они очень напоминали Толику губы существа из его кошмарных снов.

Человек открыл глаза, уже подернутые поволокой смерти, судорожно дернул кадыком.

– Я – Шутер.

– Оно и видно, – усмехнулся Аршинов, помнящий основы английского языка². – Что ж, Шутер, колись, чем мы тебе насолили?

– Я – на... нае... наемник. Вы... Выполняю заказы...

Было видно, что каждое новое слово дается раненому все с большим трудом.

– Ежу ясно, что выполняешь, – продолжал допрос прапор. – И кто же нас заказал?

– Меня... Он-о... О-о-о...

² Shooter (англ.) – стрелок.

Из угла рта Шутера вытек и зазмеился по подбородку ручеек крови. Наемник попытался сказать еще что-то, но лишь беззвучно шевелил губами. Глаза его закрылись. Тело дернулось и обмякло.

– Амба, – констатировал Аршинов. – Как думаешь, Томский, он сам на прут накололся?

– Ты на его ноги посмотри.

Толя еще до начала разговора понял, что стрелка убили – от подошв его ботинок до земли было никак не меньше пятнадцати сантиметров. Кто-то поднял Шутера и насадил его на арматуру, как на вертел.

– М-да, – прапор наклонился, поднял оружие. – А винтовочку-то я приберу. Подержи фонарь, Толян.

Аршинов обошел плиту, уложил «эсвэдэшку» к ее подножию, старательно присыпал крошевом кирпича, отряхнул перчатки.

– Штуковина хорошая, но таскать ее с собой смысла не вижу. Автомат как-то сподручнее. Потопали, что ли? Скоро рассветет, а днем... Днем тут рисоваться...

Закончить фразу прапор не успел: громыхнул выстрел.

Глава 7

Лицо в окне

Томский и Аршинов распластались на земле. В отличие от прапора Толик чувствовал себя крайне неудобно. Ботинки мертвеца были совсем рядом. Если бы не противогаз, Томский ощутил бы их запах.

– Сколько же тут этих... шутеров, так их и разэтак, через коромысло! – прорычал Алексей, ворочаясь. – Не успели вылезти наверх, как на нас сезон охоты объявили!

Толик был полностью согласен с Аршиновым. Путешествие их начиналось слишком уж бодро. Мутанты, может, и спали, а вот люди бодрствовали.

– Эй, мужики, чего разлеглись? – раздался голос карлика. – Это я стрелял!

– У тебя, чего, много лишних патронов накопилось? – крикнул прапор поднимаясь. – Или это юмор такой?

– Не-а. Я там что-то видел. Вроде человек пробежал.

Аршинов подождал Томского, и они вместе двинули к Вездеходу. Тот толком так и не смог объяснить, в кого стрелял. Возможно, карлику просто почудилось. Так или иначе, но в течение получасового ожидания ничего подозрительного не произошло.

Группа пустилась в путь.

Через пару километров с проторенной «Терминатором» дорожки пришлось сойти. Продвигаться сразу же стало значительно труднее. Приходилось лавировать в руинах и перепрыгивать через ямы, наполненные дождевой водой. Определить на глаз их глубину было невозможно. Иногда поверхность воды вздрагивала, по ней шла подозрительная рябь. Возможно, она была следствием вибрации, вызванной шагами. Возможно, ямы были обитаемы, и то, что таилось в их глубине, просто ждало удобного момента, чтобы вцепиться в ногу зазевавшегося человека.

Надвигался рассвет. Небо на горизонте сделалось из черного грязно-серым. Такой же цвет обрел и весь окружающий пейзаж. Подул легкий ветерок. Аршинов, всегда славившийся своим умением ориентироваться в городских джунглях, сообщил, что собирается вести их к наземному вестибюлю станции Черкизовская.

– На всякий пожарный случай, чтоб не запутаться.

– Ты ж говорил, что до Партизанской рукой подать, – напомнил Вездеход. – Уже светает, а мы все еще... рукой подаем.

– Эх, Вездеходушка! В старые добрые времена минут сорок ходу было. А нынче... Это уж как карта ляжет.

Томский в беседе не участвовал. Он думал о станции имени Че Гевары, о ее жителях и о том, какой будет их реакция на побег убийцы. Не совершил ли он ошибку, скрывшись от правосудия и заслуженного наказания? Конечно, друзья верят в его невиновность, но ведь на то они и друзья. Дружба, как и любовь, слепа. Слово «любовь» сразу переключило мысли Толика на Лену. Не пришла с ним повидаться, ничего не знала о планах прапора и Вездехода. Сдалась. Согласилась с тем, что муж – убийца. Наверное, сделала правильный выбор. Скоро станет матерью и, конечно же, не желает, чтобы ее ребенок имел что-то общее с Томским, безжалостно задушившим ни в чем не повинного пацана. Права, тысячу раз права. И все-таки... Заныли, зашлись болью царапины у ключицы. Толи почувствовал неистовое желание нажать на курок и палить из автомата до тех пор, пока не кончатся патроны. Потом вставить новый рожок и опять делать дыры в черном саване темноты. Будь проклят этот город, будь проклято подземелье под ним, будь проклято все Метро!

Он еле взял себя в руки.

Тем временем Аршинов остановился, долго осматривался и, наконец, свернул к тому, что походило на огромный холм. Вглядевшись, Толик понял, что это здание. Сходство с холмом ему придавала растительность, укутавшая строение плотным коконом. Коричневатые, покрытые похожими на бородавки пупырышками стволы. Болезненного вида бледно-зеленые листья размером с человеческую ладонь и формой почти как правильный равносторонний прямоугольник. Кромки листьев покрывали короткие колючки, довольно прочные на вид. Сквозь это буйство растительности лишь с большим трудом можно было рассмотреть дверные рамы, четырехгранную колонну, некогда облицованную белым мрамором, и черные ступени.

– Черкизовская, – объявил Аршинов, не сбавляя шага. – Дальше, если мне не изменяет память, будет железнодорожный мост.

Память прапору не изменила. Мост был на месте. Короткий, всего в сотню метров длиной, он покоился на двух массивных сложенных из камней опорах. Наверху стоял скособоженный, явно сошедший с рельсов вагон пассажирского поезда. Ему повезло больше, чем остальному составу: другие вагоны и сам поезд превратились в груды искореженного металла у подножия железнодорожной насыпи.

Взгляд Томского скользнул по темным провалам вагонных окон. Что за чертовщина? В одном из них Толя увидел лицо. Бледное, яйцевидное. С непомерно большими, глубоко запавшими глазами и маленьким, сползшим на подбородок ртом. Тонкие длинные пальцы теребили край окна. Существо тоже заметило Томского. Рот его приоткрылся. Послышалось что-то похожее на детский плач. Томский остановился, пораженный тем, что его спутники ничего не замечают и продолжают идти. Плач распался на отдельные звуки. Слоги.

– А-а-а-ша-ми... Ша-ми-и-и... А-ша-ми-и-и... и-и... Ша-ми...

Мутант что-то хотел сказать. Сообщить. Может, предостеречь?

Ашами? Шами? Что-то подсказывало, что язык мутанта не так уж далек от человеческого. Он еще раз повторил про себя загадочные слова. Ашами. Шами. Миша! У Томского перехватило дыхание. Осенившая его догадка была чем-то сродни удару в солнечное сплетение. Это не мутант. Это...

Толик никогда не задавался вопросом, как выглядят души мертвецов, не нашедшие покоя. Теперь он это знал. Тело задушенного мальчика осталось на станции, а его бесплотный дух путешествует вместе со своим убийцей! Железнодорожный вагон вовсе не его дом. Он будет появляться там, где ему вздумается. Преследовать, постоянно напоминая о себе. Этими появлениями доведет виновника своей гибели до умоисступления, до самого края. Потом заберет его с собой, и они продолжат путешествовать вместе. Может быть, это случится прямо сейчас.

Томский увидел то, на что раньше не обратил внимания. Один пролет перил моста свисал над дорогой и представлял собой идеальную лестницу. Одно из двух: либо призрак спустится по ней, либо своим заунывным плачем загнипнотизирует, заставит его подняться на мост и войти в вагон.

– Толян, не отставай! Хватит любоваться видами!

Аршинов и Вездеход уже прошли под мостом и остановились, поджидая Томского. Он вновь посмотрел на окно вагона.

Вместо бледного лица в темном прямоугольнике болтался кусок белого пластика. Плач стих. Томский наконец нашел в себе силы сдвинуться с места. Беспокоило лишь одно: свисавший с моста пролет перил угрожающе раскачивался.

Ничего удивительного. Призрак покинул вагон и теперь спускался для randevu со своим убийцей.

– Пошевеливайся, Томский!

Аршинов прав. Надо пошевеливаться. Ни в коем случае не сбавлять шаг. Если взять себя в руки, то можно пройти под мостом, избежав кошмарной встречи. Вперед!

Толя ускорил шаг, а оказавшись под мостом, побежал. Когда опасный участок остался позади, раздался треск и следом – гулкий удар. Толя обернулся. Пролет перил рухнул в грудку мусора. В воздух поднялась туча пыли. Прежде чем она закрыла собой вагон, Томский вновь увидел в одном из окон бледное яйцевидное лицо.

«До свидания. До скорого свидания. На этот раз тебе повезло, но в следующую нашу встречу я тебя достану. Берегись».

– Вот это номер! – Аршинов похлопал Толю по плечу. – Ты, случаем, не в рубашке родился?

– Точно не помню, – попытался отшутиться Томский. – Вроде, как большинство – с голым пузом.

Голос его предательски дрожал, но прапор, к счастью, этого не заметил. Шагая вслед за Вездеходом, Анатолий думал о бледном лице, превратившемся в кусок пластика, и о рухнувших перилах. Выводы он сделал самые простые, сообразуясь с логикой и здравым смыслом. Первое – галлюцинация, второе – случайность. Из окна вагона на него смотрел не дух, а его собственная совесть. Пролет же рухнул потому, что рано или поздно он должен был упасть. При желании можно вспомнить сто случаев, когда люди погибали из-за того, что оказывались не в том месте и не в то время. Ни бледнолицых, ни Желтых для этого не требовалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.